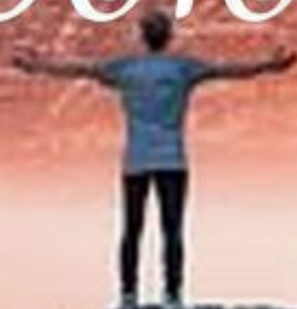

18+

Телий Уралов

Быть в строю

Гелий Уралов

Быть в строю. Москва-2020

«Издательские решения»

Уралов Г. И.

Быть в строю. Москва-2020 / Г. И. Уралов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510543-1

Роман рассказывает о событиях семидесятих годов прошлого столетия в так называемые брежневские времена. Руководитель стройки Орлов находится в сложных взаимоотношениях с партийными функционерами. Секретарь партийного комитета, карьерист и недалекий по своему уровню человек, пытается мешать Орлову, снизить его авторитет и сместить с занимаемой должности. Перед Орловым поставлена сложнейшая задача: ввести в эксплуатацию крупный комплекс по производству каучуков.

ISBN 978-5-00-510543-1

© Уралов Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Неожиданное предложение	7
Глава 2. Светлана	19
Глава 3. Погружение	30
Глава 4. Генеральный план	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Быть в строю Москва-2020

Гелий Иосифович Уралов

© Гелий Иосифович Уралов, 2020

ISBN 978-5-0051-0543-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

A handwritten signature in blue ink, which appears to read "Уралов". The signature is stylized and slanted.

К читателю

Эта повесть об активных людях 70-х годов прошлого столетия. Они живут и работают в огромной советской империи, которая для них стала данностью. Та система: наличие парткомов, горкомов и обкомов наряду с министерствами и государственными учреждениями – это то, как все было устроено в стране. Главный герой начальник крупной стройки объединяющей строительство нового города и огромного химического комбината. Для героев главным в их жизни это дело, которым они занимаются. Для них не имеет значения, в какой системе в каком строю они находятся. Для них важно прилагать все свои знания и способности для достижения намеченных целей. Герои рады тому, что их невероятные усилия дают конкретный результат. Для них все, что делается, – все «по-честному», и не только работа, но и большая любовь.

В повествовании делается попытка согласовать интересы двух руководящих институтов того времени хозяйственного и партийного, что в реальной жизни маловероятно.

Герои это люди огромного творчества. Принято считать, что творчество это для артистов, журналистов и других гуманитариев. Но разве можно сравнить творчество артиста, который зазубривает чужой текст и затем повторяет его в заданном исполнителю образе, с творчеством руководителя огромного коллектива, выполняющего конкретную задачу. Такой человек в ежесекундно изменяющейся обстановке вынужден мгновенно находить требуемые решения. Ему некому подсказать, у него нет режиссера, он обязан творить, находить такие меры воздействия на людей, которые приведут к намеченному результату. И это есть настоящее творчество. Решение, принятое неверно, приведет к провалу. И за каждое решение огромная ответственность, прежде всего перед самим собой.

Как и в любом обществе, встречаются и другие люди – низкие и подлые. Между первыми и вторыми естественно возникают конфликты. Однако побеждают творцы. Все содержание этого повествования написано на основе конкретного жизненного материала и той среды, в которой автор трудился и общался с людьми.

Гелий Уралов

Глава 1. Неожиданное предложение

Май не принес долгожданного тепла. Даже в солнечные ясные дни холодный воздух, нахлынувший откуда-то из Арктики, не прогревался на всю свою многокилометровую толщу, набухшие почки чуть-чуть приоткрыли щелочки своих клювов и замерли в ожидании потепления. Люди сдержанно и угрюмо поглядывали на тусклое неблагодарное солнце, которое лишь изредка появлялось в разрывах облаков. Было сыро и тоскливо. Только после второго праздника «Дня победы» ветер переменялся, и по-настоящему летняя погода наконец-то пришла в столицу. Все ожило, распахнулись окна, раскрылись двери, из учреждений, жилых домов на площади и скверы, бульвары и проспекты хлынула многоликая, веселая и говорливая толпа.

Только два совершенно незнакомых друг другу человека были озабочены в этот день, делом одного и того же плана порядка и не ощущали общего весеннего настроения.

Первым был ответственный работник всесоюзного объединения «Промашимпорт» Сорокин, который только что получил письмо от американской корпорации «Эллис Пальморс». В письме в очень мягких и корректных выражениях сообщалось, что корпорация откладывает на неопределенный срок дальнейшее обсуждение проекта экспортного соглашения на поставку в 1972 году оборудования для строительства Нижнеречинского химического комбината и приносит свои извинения. Причины были несущественными. Только вчера в Министерстве внешней торговли Сорокин подтвердил возможность завизировать проект постановления по строительству этого комбината. Отношения с фирмой «Эллис Пальморс» как будто бы складывались вполне нормально и не вызывали сомнений. И вот надо же такая досада! Это был не первый случай, когда в почти завершенную сделку вмешивался Госдепартамент Соединенных Штатов и относил к стратегическим предполагаемым поставкам оборудования. Так, очевидно обстояло дело и на сей раз.

Сорокин задумался. Перед глазами возникло хитрое лицо господина

Тамодзи Сано из японской компании «Койо – Менка», с которым на одном из банкетов Торгово-промышленной палаты он встретился на днях.

Тамодзи Сано улыбнулся белой щеточкой сжатых зубов и напомнил Сорокину, что «Койо – Менка» выполняет крупные технологические контракты и согласна вновь вернуться к вопросу о поставках оборудования для Нижнеречинского химического комбината.

При этом Тамодзи Сано оценил стоимость этого контракта на 20 миллионов долларов выше американских предложений. Сорокин вежливо поблагодарил.

– Очевидно «Койо – Менка» уже располагала информацией об американском отказе, – подумал Сорокин, – иначе, чем объяснить беспардонное взвинчивание цен.

Дело принимало серьезный оборот. Через час Сорокина принял заместитель министра внешней торговли.

Внимательно выслушав, он связался с министерством химии, и выяснил все о Нижнеречинском комбинате.

– Время у нас еще есть, – сказал он на прощанье Сорокину,

– на первую очередь комбината оборудование будет поставляться по линии СЭВ, поэтому, чтобы успеть ко второй, немедленно войдите в контакт с «Койо – Менка», а я поработаю через МИД с американцами...

Второй человек, у которого также не было весеннего настроения, был заместитель министра строительства Петров Петр Егорович.

Петров расположился у большого министерского стола и, медленно поворачиваясь в удобном кресле, тщетно пытался сосредоточиться. Плотный, с коротко остриженными седыми волосами на прямо посаженной крупной голове Петров был мрачен.

Он только что вернулся от Министра, где докладывал о состоянии дел на новой, недавно переданной им стройке Нижнереченского химической комбината.

– Необходимо принимать конкретные меры – думал Петров, – но, что со мной? Растерялся? – Нет!

Просто задачу подобрали слишком сложную и неожиданную.

– Построить в Нижнереченске крупнейший нефтехимический комплекс и уже в этой пятилетке дать продукцию. Причем все надо начинать с нуля, по сути, заново создавать коллектив.

В Старозаводском обкоме партии, куда он недавно ездил, первый секретарь Толоконников, и сопровождавший Петрова на стройку секретарь по промышленности Трофимов, возлагали на решение Совмина «о передаче» большие надежды и не скрывали своей радости.

Они были правы: «Министерство ведет крупные стройки страны и всегда справляется с выполнением сложных заданий» Он заверил секретарей обкома: «Необходимые меры будут приняты» – но, что это за меры, он даже сам еще не знал, и это тревожило.

Петров встал, прошелся по кабинету. На столе лежала нераспечатанная пачка сигарет.

Закурил. После первой затяжки закружилась голова.

– Пора бы и бросать, – подумал он, – шестой десяток идет, не шутка.

Наиболее важный вопрос, который Петров не мог решить, состоял в том, кого назначить начальником Нижнереченской стройки. В кадровых делах Петров придерживался своей старой тактики.

Он считал, что на ответственные участки, пользуясь только анкетными данными, нельзя. И предпочитал назначать тех, кого лично знал и кто был уже проверен на деле. То, что такой подбор кадров истинные кадровики относили к Формулировке «Подбор по приятельским отношениям» его нисколько не смущало. Правда, теперь будучи зам министром, когда круг его влияния значительно расширился, принимать решения по кадровым вопросам становилось сложнее, но Петров не менял своего правила.

По Нижнереченской стройке управление кадров уже предлагало несколько кандидатур, но никого из них Петр Егорович не знал, и потому тянул, мучительно перебирая в памяти кого бы назначить.

Семенов, бывший работник аппарата ЦК – заместитель министра по кадрам, пытался нажать на Петрова, но безрезультатно. Пока, что он не соглашался ни на одну из предлагаемых кандидатур.

Дверь кабинета приоткрылась, в проеме показалась озабоченное лицо секретарши, Галины Николаевны.

– Что, Галя? Петров повернулся в ее сторону.

– Петр Егорович звонит какой-то Орлов. Настойчиво говорит:

– Очень необходимо встретиться.

– Орлов?!.. Да ведь это Евгений! Соедини и быстрее.

– Петр Егорович! Здравствуйте! Третий раз в Москве и никак не могу повидаться. Завтра улетаю, хотел бы забежать.

– Евгений Николаевич, дорогой, здравствуй! Приезжай, жду...

– Сейчас посмотрим когда лучше...

Петров взял со стола страницу календаря, отпечатанную на машинке. Ежедневно такая страница, расписанная до минут, готовилась помощником и согласовывалась с ним с вечера.

Помощник был весьма пунктуальным человеком и с пристрастием следил за исполнением планов своего начальника.

На вторник 15 мая 1970 года значилось:

Пригласить: директора проектного института, начальника одной из пяти особо важных строек, находящихся у него под контролем, руководителей ряда заводов. В 15:00 вызывали

в ЦК, для информации по его поездке в Нижнереченск, далее шли согласования целого ряда важных документов, почта и ряд других дел. К листу календаря сбоку были приколоты краткие справки по каждому вопросу с необходимой информацией и цифровыми материалами.

Петров нажал кнопку переговорного устройства:

– Виталий Сергеевич, все вопросы профильтруйте до поездки в ЦК, после семнадцати я буду занят.

– Но, Петр Егорович, – раздался просящий голос помощника... я ведь... —

– Все Виталий! – Петров отключил переговорное устройство. Всякий раз, когда Петров вынужден был менять свои планы, ему было неловко. Он знал о той большой подготовительной работе, которую проделывал помощник.

– Я все слышал, Петр Егорович, понял, буду ровно в семнадцать, – радостно прокричал в трубку Орлов.

– А может, приедешь сейчас?

– Нет, мне удобней в семнадцать.

В Нижнереченск Петров выехал внезапно. Накануне, вызвал Министр. Охарактеризовав коротко задачи по Нижнереченску, сказал:

– Слетайте, посмотрите. Отбиваться дольше бесполезно, в Совмине и ЦК решение принято. Знаю, что у вас большая загрузка, но вести стройку придется. Подберите кого-нибудь из наших, и поставьте начальником. Только учтите, ресурсы от отрасли не отрывать. Создайте хорошую базу, ну, а в общем, не мне Вас учить. Вот проект Постановления, возьмите с собой.

На стройку из областного центра вылетели вместе со вторым секретарем Обкома Трофимовым, на небольшом вертолете, выполняющем патрулирование нефтепроводов.

После часового перелета и дозаправки на попутном аэродроме, облетели и внимательно осмотрели с высоты птичьего полета будущую стройку. Пояснения давал Трофимов. Несколько зданий, дороги, поселок строителей – вот и все. Рядом большая река. Величественно извиваясь, она приглашала поваляться, и позагорать на своих песчаных отмелях, съездить на острова, заросшие мелким кустарником, погулять по раскинувшемуся по ее берегам сосновому бору.

Приземлились прямо на территории будущего комбината.

Обошли площадку, осмотрели объекты. На небольшом совещании заслушали исполняющего обязанности начальника стройки.

План не выполнялся. Основная причина: нет материалов, цемента, кирпича, металла, машин, механизмов. Ссылки на объективные трудности, оторванность, отдаленность.

Вся эта безысходность была неприятна Петрову. Он умел бороться с проблемами, решать вопросы, добиваться результатов:

– А тут, что? Болото!

Уезжая в Москву, после подробного разбора дел в Обкоме, он сказал:

– Чтобы развернуться, нужен, и немедленно, новый, опытный, энергичный и решительный начальник. Без него нельзя начинать!..

Но где его найти? Всё такие люди занимают места на пусковых и особо важных стройках. Взять сюда молодого парня, на рост, рискованно может свернуть шею; да и время будет потеряно.

Министр сказал: – Давай предложения.

Но предложений пока не было, эти мысли и заботы найти нужного человека, не давали Петрову покоя и были прерваны звонком Орлова.

– А если Орлов?

Кандидатура удивила своей невероятностью, и он сразу же отбросил ее в сторону. Но затем, еще раз внимательно подумав, твердо решил.

– А ведь это самый подходящий работник, – и, обрадовавшись, что наконец-то пришло, с облегчением позвал помощника, чтобы начать намеченные дела.

Многие годы соединяли Петрова с Евгением, и началось все с памятного эпизода на дороге. В ту осень, Петров, тогда занимался строительством моторного завода, дождь беспрерывно лил сутками и, в короткие промежутки, когда он прекращался, казалось, что натруженное небо брало небольшую передышку, чтобы затем вновь и вновь обрушиться на землю и людей тысячи тонн воды.

Тупорылые МАЗы буксовали в непролазной топи разбитых дорог. Все бульдозеры, тракторы, тягачи были мобилизованы на дорогу, вытаскивать грузовики с бетоном, кирпичом, металлоконструкциями, и по этой тоненькой ниточке шло ограниченное питание, способное еле-еле поддерживать жизнь в почти парализованном организме.

Штаб стройки, бросив все силы и имеющиеся ресурсы на поддержание дорог, все же не приостанавливал ни на один час бетонирование фундаментов кузнечного цеха.

Шоферы после смены еле добирались до коек и мгновенно засыпали. Количество ездов все уменьшалось и уменьшалось. Просматривая очередную сводку за прошедшие сутки, начальник строительства не поверил своим глазам.

– Ни одного кубометра бетона! В чем дело? – Прокричал он в телефонную трубку, обращаясь к главному диспетчеру.

– Петр Егорович! Я считал, что с Вами... что Вы сами распорядились...

Новый начальник участка Орлов, ссылаясь на Ваше указание, снял всех людей, технику, транспорт на восстановление дороги. Я полагал – это правильно.

– Какого черта! Он полагал! – завопил Петров, – Кто-то командует на стройке, а ты, главный диспетчер, для чего? Безо – бра – зие! Немедленно вызвать ко мне, и бросил трубку на рычаг.

– Да, да! Это тот парень, – и мысленно представил себе их недавнюю встречу при приеме его на работу. Парень понравился, и Петров сам предложил ему работу на «кузнечном».

Зазвонил телефон, диспетчер докладывал:

– Начальник участка на дороге, явиться отказался и заявил, что если он нужен Петрову, то пусть тот сам приезжает на дорогу, а он занят и не может отлучиться ни на минуту.

– Что-то! – еще больше разъярился Петров, и с желанием немедленно отстранить за такие штучки там, на трассе, в назидание другим – он-то знает, как надо было поступить, натянув брезентовую робу, выбежал из управления и вскочил на подножку в поджидавший его вездеход «козел».

– На кузнечный! – Приказал он водителю.

Уже в машине, несколько поостыв, он стал предсказывать возможные последствия точной задержки бетонирования.

– Если заштрабились, то еще ничего... ну, посмотрим, но этот новичок... Ишь ты, какая самостоятельность... хотя бы позвонил... Нет, его необходимо крепко наказать.

Подъезжая к «кузнечному», перед ним предстала неузнаваемая картина. Той грязи, сплошного месива на подъезде, не было, все вытолкали в сторону, откосы и канавы были заново спланированы, вода сошла с дороги. Самосвалы один за другим завозили щебень, бульдозеры разравнивали и укатывали его своими гусеницами, рабочие подравнивали отдельные выбоины.

Среди всего этого скопления техники и людей стоял парень насквозь промокший, но улыбающийся, и своим молодым голосом перекрикивая шум моторов и скрежет гусениц, руководил ходом работ.

Встречный самосвал притормозил, и из кабины высунулась смеющаяся Физиономия знакомого водителя, бывшего фронтвика

– Петр Егорович, спасибо, удружили нам шоферам! Правильное решение приняли, теперь по такому бульвару по три нормы выполнять будем, да и парня хорошего прислали, вторые сутки пошли, не уходит с дороги.

– Причем тут я? – подумал Петров и направился к начальнику участка. Чем ближе он подходил, тем яснее представлял большой объем проделанной за сутки работы и радовался, что машины теперь пойдут по твердому основанию.

– Здравствуй, – Петров протянул руку.

– Здравствуйте.

– Заштрабились? Да.

– Когда продолжите бетонирование?

– Через два часа.

Глядя на этого, насквозь промокшего, радостного парня, Петров улыбнулся и, возникшее прежде, желание отругать за самоуправство вместе с грубыми словами исчезли, а на смену им появились слова благодарности.

– Спасибо, инженер, молодец! Нужно во что бы то ни стало войти в график.

– Войду! – начальник участка, не скрывал своей радости.

– Ну, будь здоров!

Петров повернулся и пошел к машине. С тех пор связала судьба молодого прораба Орлова с маститым управляющим стройтреста Петром Егоровичем. Петров не имел сына, дочь, поступив в институт, уехала в Москву, и всю свою отцовскую привязанность он отдал молодому парню. Исподволь направлял он его действия, ставил на наиболее трудные участки, показывал и подсказывал как вести себя в той или иной ситуации. Как-то пригласил он Евгения к себе после работы и эти встречи, где Петров раскрывал перед ним новый прежде не изведанный для него мир, стали постоянными. Рассматривали разные строительные конструкции, способы возведения различных сооружений, вопросы хозяйственного руководства...

Через год Петров был уверен в знаниях молодого специалиста и смело выдвинул его главным инженером строительного управления. А еще через год Орлов стал начальником этого управления. Время шло, и дела управления Орлова говорили сами за себя. Его признали не только на и стройке, но и в области. Когда же в другом городе потребовалось заменить управляющего трестом, и обком спросил мнение Петрова, тот не задумываясь, рекомендовал туда Евгения. Тридцатилетний управляющий дело повел хорошо, когда же было трудно, приезжал к своему наставнику за советом. Встречаясь на областных активах, они всегда бывали вместе, делились своими заботами, подружились еще крепче. Через несколько лет Петров получил назначение заместителем министра и уехал в Москву.

Перед отъездом он провел с Евгением целый день, наставляя его на будущее, еще раз раскрыл перед ним всю сложную сеть взаимоотношений, переплетающихся связей, приводил примеры из собственной жизни, пытаясь изложить всю мудрость, приобретенную за долгие годы руководителем нескольких крупных строек.

– Я рад за Вас, Петр Егорович, – сказал на прощанье Орлов, – но мне грустно расставаться!

– Ничего, – ответил Петров, еще не раз встретимся.

Но встречались они все-таки редко: работали в разных министерствах. Петров, конечно, знал кое-что. Слышал, что Орлов через три года сдал первую очередь, что в тресте у него подобрался дружный коллектив способных и настырных людей.

И вот теперь идея назначить Орлова, взволновала его.

Откладывая все на после встречи, Петров не мог не думать про это:

– Возможно, Евгений и согласится, он всегда стремился к большим делам, но имею ли я право перетягивать его сюда на эту совершенно новую стройплощадку в сложнейшую обстановку.

Совещание в ЦК началось ровно в 15 – 30. С заведующим отделом Петров уже прежде встречался. Тот улыбнулся, пожал руку и пригласил садиться за длинный стол. Где, уже сидело много известных Петрову лиц, в том числе секретарь Старозаводского Обкома Трофимов

и вновь назначенный директор Нижнереченского химкомбината Николаев. Напротив Петрова расположились заместитель министра химии, директор головного проектного института и ряд других ответственных работников из Госплана, Госстроя и Совета Министров. Открыв совещание, заведующий отделом сказал, что после принятых решений по развитию химии за десять лет в стране проделана огромная работа... В то же время потребности народного хозяйства химическая промышленность удовлетворяет не полностью... В ближайшее время намечено провести президиум Совета Министров, на котором будут рассмотрены вопросы увеличения капиталовложений и ускорения темпов роста химической промышленности...

Страна вынуждена закупать большое количество естественного каучука за границей. Мы рассчитываем на создание в районе Нижнереченска крупного комплекса предприятий с выпуском продукции уже в ближайшие годы...

– Строительство комплекса поручено вашему Министерству – обратился он к Петрову – нас, интересует каковы принимаемые вами меры?

– Как дела с проектами, с заказами на оборудование? – вопрос, отнесся уже к заместителю Министра химии.

– Что намечено Обкомом?

– Прошу всех в течение месяца согласовать вопросы по проекту Постановления и представить его на утверждение.

– Совершенно очевидно, товарищи, – продолжал он, – через определенное время ЦК еще раз рассмотрит состояние дел на строительстве Нижнереченского комбината.

Затем директор проектного института подробно охарактеризовал будущий комбинат.

– Строительство, – говорил он, – рассчитано на десять – пятнадцать лет, к этому времени городское население Нижнереченска должно возрасти до трехсот тысяч человек...

Петров слушал выступления, одновременно рассматривая присутствующих и стараясь предугадать: кто «за» и кто «против» него?

– Возможно «химик» против. – Думал он, присвоив эту кличку замминистра химии.

Рядом сидел секретарь Обкома – Трофимов.

Петров посмотрел на него. Трофимов дружески улыбнулся, как бы сказав:

– Что? Вместе будем тянуть ляжку? Ничего, одолеем.

Петров прислушался. Выступал «химик». Он говорил о том, что делает его Министерство, какие меры принимаются по созданию будущего коллектива, о том, что назначен директор, присутствующий здесь... В конце «химик» остановился на двух вопросах заслуживающих внимания.

– Прежде всего, нас беспокоит, что министерство строительства еще не развернулось в достаточной степени на комбинате, об этом говорит хотя бы тот факт, что до настоящего времени еще не назначен начальник стройки.

– Да, это прямо в мой адрес – подумал Петров.

– Во-вторых, по нашим данным, американцы до настоящего времени не подписали экспортное соглашение на поставку оборудования для производства наиболее дефицитного каучука и это обстоятельство не позволяет нам вести проектирование, я просил бы «Внешторг» ускорить решение вопросов.

Петрову дали слово к концу совещания.

– Будьте кратки, – предупредил заведующий отделом ЦК.

Петров в нескольких словах охарактеризовал состояние дел на строительстве Нижнереченского комбината, добавив, что только вернулся оттуда.

– Министерство наметило оказать помощь транспортом и механизмами. На стройку направляется группа инженеров из наших институтов для подготовки проектов организации строительства. Через несколько дней туда выедет начальник главка, подбираем кандидатуру руководителя.

– Как бы попросить вас ускорить решение этого вопроса – вмешался заведующий отделом – кстати, у вас есть конкретные предложения? Кого намечаете?

Петров задумался: – Сказать или еще повременить? – и, решив, что убедит Орлова, ответил,

– Орлова, управляющего трестом из Сибири.

– Если нужна наша помощь, обращайтесь – предупредил заведующий отделом.

Когда Петров вернулся к себе в Министерство, было уже за шесть часов вечера, разговор предстоял сложный.

– Достаточно ли у меня сил и обаяния для того, чтобы убедить его? – думал он, поднимаясь на лифте, – события разворачиваются, к сожалению так, что времени почти не остается.

По своему опыту он твердо знал, что выбор руководителя способного решать вопросы – это главная гарантия успеха всего дела.

И, уже сам, определившись, хотел доверить это новое большое дело только известному ему, проверенному человеку.

Встретились они прямо в приемной. Перед ним стоял все тот же Орлов, свежий, подтянутый. Высокий большой лоб, увенчанный аккуратной зачесанными, слегка выщипанными русыми волосами. Острый взгляд карих глаз, мохнато нависающие брови, прямой нос, сжатая линия губ, твердый короткий подборок. Эти черты придавали Орлову вид человека волевого и целеустремленного.

В темно-синем в полоску костюме и красиво завязанным узлом бордового в крапинку галстука, он в свои тридцать пять лет, казался совсем еще молодым, и только сумрачный взгляд выдавал серьезность забот, лежавших на его плечах.

Крепко обнявшись прямо на глазах у изумленных посетителей, Петр Егорович отстранил Евгения, пристально посмотрел на него и сказал:

– А ты все такой же. Здравствуй!

И еще сильнее стиснув его, потащил за собой в кабинет.

– Ну, садись, рассказывай, – Петров указал на два кресла в углу.

– Дела заворачиваю, Петр Егорович – воодушевленно начал Орлов – с Вашей легкой руки выполняю самый большой объем по Главку ... Народ подобрался крепкий задиристый. Второй год держу престижную премию Министерства. Недавно сдали крупный комбинат искусственного волокна. Приехал получать диплом.

Орлов с гордостью поднял руку – И вот я у Вас, очень хотелось встретиться. Как лучшее время вспоминаю нашу совместную работу.

– Ловлю на слове, с радостью отозвался Петров, – это можно поправить.

Евгений удивленно посмотрел и с сожалением ответил:

– Нет, Это невозможно. Слишком вжился там, крепкие корни пустил.

– Ну-ну, ладно, – испугавшись, что слишком рано начался это так необходимый для него разговор, промолвил Петров.

– А сам-то как живешь?

Дверь кабинета отворилась и вслед за Галиной Николаевной с папкой срочных бумаг, вошли еще два человека. Петров подошел к письменному столу, подписал, не глядя, бумаги, затем, не приглашая сестру, переговорил с работниками и выпроводил их, говоря, – чрезвычайно занят.

Зазвонил внутренний телефон,

– Слушаю... Да!.. Был... Семен Владимирович, я доложил в ЦК, что ты через два дня выезжаешь на стройку... Нет, откладывать нельзя!.. Завтра... Завтра будь у меня обязательно с утра... Ну, до свидания.

Не успел он положить трубку, как телефон зазвонил снова. Отмахнувшись, как от назойливой мухи, и, не обращая внимания на продолжительные настойчивые звонки, он подошел к Орлову и сел в кресло.

– Знаешь что, Евгений, не дадут нам тут нормально поговорить, давай-ка мы...

Петров встал, вышел в приемную

– Меня тут нет, – многозначительно сказал он секретарше,

– переключите все телефоны на себя и ...никого... ясно?

Затем закрыл дверь и захлопнул ее на внутренний замок.

– Вот так-то будет лучше.

Петров достал из сейфа бутылку коньяка и наполнил доверху две рюмки;

– За встречу.

– За встречу, Петр Егорович.

– Десять лет прошло, и я очень рад, что ты все такой же молодец и сидишь вот так напротив – произнес Петров – рад очень рад нашей встрече... Как у вас там? Да, видал недавно Воронцова. «Ты, говорит, Петр Егорович, бросил нас. Хотя бы в гости приезжал, на хариуса, на тайменя свозили бы тебя. Такой рыбалки, как у нас, нигде нет»

– Полюбил я ваши края. Как он там, Василий Кириллович поживает?

– В расцвете сил, Петр Егорович. Большой человек – наш Хозяин. Помогает...

– Все хотел спросить тебя, Евгений, как же так случилось у тебя с Екатериной Васильев-ной, с Катей?

Волна воспоминаний накатила на Орлова, он поперхнулся и нехотя задумчиво отве-тил: – не сошлись характерами... так, как-то...

Задумался, грустно добавил:

– Домой прихожу, тоска, да и почти не бываю, все больше на стройке... так-то оно лучше...

Желая чем-то помочь и, не зная, что сделать, Петров встал, прошелся по кабинету.

Затем подошел к Евгению, сдержанно обнял:

– Ничего, у тебя все впереди Женя! Ты молод, полон сил. Давай выпьем за тебя, за твои успехи, за дело, которым руководишь. Будь здоров!

– Что- то смотрю я на Вас, Петр Егорович, и чувствую – есть у Вас какая-то задумка, которая не дает покоя, наверно что-то в ЦК?

– И, да и нет, а в общем да, есть у меня, Евгений, к тебе один разговор. Слушай и не торопись с выводами. Поручили нам большое дело, – и Петров рассказал о новой стройке, о своей поездке, о разговоре в ЦК.

– Я веду Нижнереченск, и мне совершенно не безразлично, кого туда поставить. Нужен опытный и проверенный человек.

– Петр Егорович!?

Орлов вжался в кресло, лукавая улыбка появилась на лице.

– Так вот Вы куда клоните? И этот надежный и проверенный человек должен быть я? Так я Вас понял?

– —Да, Евгений! – Твердо ответил Петров – именно ты.

– Более того, это очень серьезно и, если хочешь, это моя просьба к тебе. Я уже все продумал, у меня нет более достойной кандидатуры. Прошу тебя, отнесись с уважением к моей просьбе.

Орлов вскочил, хотел было сразу отказать, набегали слова:

– Это невозможно! обстановка... Бросить все... Новый завод заложили... Да и в области избрали в Бюро. Что скажут? Бросил, сбежал. Погнался за крупной стройкой. Как я посмотрю им в глаза? – но он промолчал.

Затем посмотрев на Петра Егоровича, Орлов понял, как ему хочется поработать с ним вместе и чтобы задушить это появившееся желание, отвернулся и произнес,

– Нет! Я не могу! – и начал быстро ходить по кабинету.

Петров смотрел на бегающего Евгения, он знал его таким.

– Ничего, думал он, пусть выбегается, пусть выговорится, устанет, отойдет. В то же время он понимал, что наступил момент, когда нужна выдержка и спокойствие, необходимо найти способ убедить Орлова, если этого не сделать сейчас, то другого такого случая больше не будет.

– Сядь, успокойся. Да перестань же ты бегать! Пойми, я тебе предлагаю не сахар, более того, это будет одна из труднейших строек, с которыми мне приходилось иметь дело. Край глухой, связь практически только самолетом, рабочих нет, жилья тоже, а специалистов сейчас, просто так, не заманишь. Все придется начинать с нуля. В то же время сроки чрезвычайно сжаты. Пойми, это передний край, это те рубежи, на которых мы сегодня ведем ожесточенные бои за наш собственный каучук. Вспомни, как работали во время войны. Так вот – это именно то. Понимаю, бросить налаженное дело тяжело, жалко, несправедливо, все это я понимаю и, несмотря на это, прошу тебя, согласишься. Если возьмешься, крупнейший комбинат, новый город, всё это будет создано твоими руками. Это ли не заслуга в жизни каждого строителя. Ну, а Обком я беру на себя.

Орлов сел, капли пота выступили на лбу.

– Ну и задачу Вы задали, Петр Егорович, к Вашим просьбам не могу относиться равнодушно, но и не могу дать согласие. А трудности есть трудности, – они меня никогда не смущали.

– Вот что, Евгений, прошу тебя, обдумай все... Это очень серьезно. Ответ дай завтра утром. Ну, а я, грешным делом, надеюсь, что поработаем еще вместе, а сейчас.

Он подошел к телефону, набрал номер.

– Клава, приехал Женя Орлов, ну-ка собери, что там есть у нас из министерских запасов, мы будем через полчаса. Кто дома? Лиза с подругой, ну и отлично, пусть помогут...

– Одевайся, пошли, Евгений.

Петров жил недалеко, в высотном доме на набережной. Шли, молча, каждый думал о своем. И почему-то, как об уже потерянном дорогом для него событии, вспомнил Орлов недавний день, когда ему вручали престижный диплом. Выйдя, вперед он увидел в зале одобрителные взгляды.

– Как же они там будут без него дальше? Смогут ли так держать? Но почему они, а я? Что за поворот мыслей, зачем я об этом, как о прошлом? —

Дверь открыла Лиза – дочь Петра Егоровича.

– Вот и чудесно, папочка, а у нас все уже готово, – с этими словами Лиза встала на цыпочки, чтобы дотянуться и чмокнула отца. Затем она протянула руку Евгению Николаевичу. Орлов поклонился Лизе, взял ее округлую нежную руку и, слегка смутившись, по-мужски пожал.

– Ой, больно! – вскрикнула Лиза, выдергивая руку, – мужчина должен нежно поцеловать, а Вы?

Но тут же заметив смущение Орлова, Лиза улыбнулась и доброжелательно добавила.

– Придется взять Вас на перевоспитание.

Небольшого роста, располневшая чуть больше, чем положено в ее возрасте, Лиза внимательно осмотрела этого крупного человека, с которым ей прежде встречаться не приходилось.

Когда Орлов работал с отцом, она училась в Москве в архитектурном институте. Домой приезжала только на каникулы и по окончании осталась в Москве.

– Что же вы стоите? Проходите, пожалуйста – сказала она, и сама первая прошла вперед.

Зайдя в комнату Орлов, увидел, показавшуюся из кухни Клавдию Семеновну, жену Петрова.

– Наконец-то Женечка! Сколько лет, сколько зим.

Они обнялись, как старые друзья.

– А Лиза-то у меня какова? Уже познакомилась? – продолжала она – Ты Женя великолепно выглядишь, правда, немного постарел, но все еще ничего, молодец.

Клавдии Семеновне было уже за пятьдесят, но она все еще сохраняла свою женственность, модно одевалась и очень не любила, если дочь называла ее бабушкой.

В гостиную вошла стройная молодая женщина. Ее белокурые волосы были собраны в высокую прическу, чуть заметный загар покрывал белую бархатистую кожу лица; особо выразительными были карие глаза – большие, лучистые; немного приподняв уголки ярких губ, она улыбалась, и улыбка эта озаряла лицо ее добротой. Стройную фигуру молодой женщины красиво облегал светлый брючный костюм в сочетании с зеленой кофточкой и янтарными бусами. Подобранный с большим вкусом ансамбль еще более подчеркивал, сколь прелестна эта женщина.

– Знакомьтесь!.. Светлана Архиповна Довжецкая, архитектор, моя любимая подруга... А это – друг папы, Евгений Николаевич, – представила их друг другу Лиза.

Необыкновенная красота Лизиной подруги поразила Орлова. Ему вдруг захотелось взять ее руку и поцеловать, как только что учила Лиза. Но Светлана не подала руки, лишь слегка наклонила голову в знак приветствия.

– Папа!.. Мы сегодня организовали девичник, дело в том, что наши многоуважаемые мужья ушли на какую-то защиту, а затем на банкет. Нас, видите ли, они не соизволили взять с собой! Поэтому мы решили покутить сами! Вы будете нашими гостями, прошу Вас садиться. Евгений Николаевич, вы вот сюда, рядом со мной! А ты, папа, поухаживай за Светой. Мама, я надеюсь, ты не будешь ревновать?..

Рассадив всех и указав, матери, место во главе стола, Лиза удовлетворенно сказала:

– Ну вот, все получилось как нельзя лучше.

Орлов сидел напротив Светланы и не сводил с нее глаз. А она бросала короткие ответные взгляды своими широко раскрытыми прекрасными глазами. Выпили за встречу, за знакомство и разговор за столом вошел в свою размеренную колею, каким он всегда бывает в таких случаях. Говорили о театре, о последних московских новостях.

Когда Лиза с мамой ушли на кухню готовить десерт, а Петр Егорович за ними, приготовить свой по особому рецепту коктейль, Евгений Николаевич и Светлана остались одни.

– Что Вы все так смотрите на меня? – спросила она, улыбнувшись своей мягкой улыбкой.

– Не могу налюбоваться Вашей красотой.

– Спасибо за комплимент, однако.

Домашняя обстановка отвлекла Орлова от тяжелых мыслей и он забыл на время о предложении Петрова и лишь теперь, разговорившись со Светой, поделился с ней своими заботами.

– Мне не хотелось бы отказать Петру Егоровичу, он для меня все равно, что отец, но и согласится тоже трудно, а ответ нужно дать завтра.

– А Вы знаете? – сказала Светлана, – я тоже слышала об этом городе, его кажется, проектируют в третьей мастерской нашего института, а я работаю в пятой, так что наши с Вами пути сходятся.

– Да что Вы?! – удивленно, воскликнул он – сегодня все сходятся на Нижнереченске. Но я, очевидно, откажусь. Хотя... и он задумчиво посмотрел на Светлану.

После коктейля и десерта. Лиза пригласила мужчин потанцевать. Она не отпускала Орлова весь вечер и, когда он пытался направиться в сторону Светланы, говорила:

– Нет – нет! Вы сегодня мой.

Ей действительно понравился этот большой и сильный человек.

Вдруг посреди танца она остановилась, отвела Евгения Николаевича в сторону к креслу, захлопала в ладоши, и громко произнесла:

– Коллективные танцы прекращаются! Давайте попросим Свету станцевать одну. Светочка, мы тебя очень просим, пожалуйста.

Переставили кассету. Раздалась ритмичная мелодия. Светлана ступила на середину ковра, сделала небольшой книксен, а потом, слегка наклонившись вперед и вытянув руки ладонями к зрителям, пошла выгибаясь, как индийская танцовщица, своим тонким станом, гибкая и легкая, по кругу.

Евгений Николаевич восхищенно смотрел на нее. Ему вдруг страстно захотелось сжать ее в своих объятиях... Музыка прекратилась...

Все зааплодировали. Лиза расцеловала Светлану. Было уже поздно. Вызвали такси. Орлов начал прощаться с хозяевами.

Петр Егорович, выйдя проводить на лестничную клетку, протянул ему руку.

– До завтра, Евгений. Жду твоего звонка.

Очутившись на улице, Лиза, а затем и Светлана протянули Орлову руки и с некоторой фамильярностью подставили свои щеки, позволив себя поцеловать, уже выглядывая из такси, Светлана помахала ему рукой и сказала:

– Прощайте, а если, вдруг, надумаете ехать в Нижнереченск, – она быстро, записала номер на клочке бумаги и передала его Евгению – то вот Вам мой телефон, сообщите.

Машина тронулась и растворилась в ночной прохладе московских улиц.

Придя в свой номер, Евгений долго сидел в кресле и перебирал в памяти события прошедшего дня. Неожиданное предложение, встреча с этой, сразу ставшей ему дорогой, женщиной... Обрывки мыслей вертелись в голове.

– Как быть? Что делать?

Достал начатую бутылку коньяка, налил четверть стакана.

Спать совершенно не хотелось. Неясный силуэт блестящего телефонного аппарата, привлек внимание.

Приезжая в Москву, он часто любил, вот так же в любое время звонить домой, поднимать среди ночи жену и рассказывать ей свои последние московские новости. Но сейчас звонить было некому и тоскливым холодом тянуло от телефона. Та его большая квартира теперь стала чужой, неудобной.

– Да, там дома у меня никого нет. И если бы не работа...

А может прислушаться к Петрову и принять его предложение? Нет! Это же мальчишество. Тебя, что гонят? Ну, а может согласиться.

И полет воображения унес его в тот неведомый край, на новые дела, в круговорот предстоящих событий.

Какая-то одержимость, радость принятого решения, которое пришло, вот так, неожиданно, под влиянием впечатлений сегодняшнего дня, появились в нем.

Позже, вспоминая об этой минуте, он так и не мог понять, что толкнуло его на этот шаг, то ли неприятное воспоминание о своем осиротевшем доме, то ли воображаемый размах будущего строительства, то ли надежда еще раз, когда-либо встретить эту прежде незнакомую чудесную женщину.

– Большие дела там затевают, а справлюсь ли? – И утвердительно махнув головой, решил.

– Справлюсь.

Орлов повернулся в кресле и схватил телефонную трубку. Было около двух часов ночи.

– Так вот из-за чего привлекал телефонный аппарат – пронеслось в голове.

Он набрал номер. В трубке долго шли позывные гудки. Затем раздался встревоженный голос.

– Алло, алло.

– Петр Егорович, это я. Я согласен, берусь. Но все решайте без меня, через верхи. Не прощаюсь! Жду ваших сообщений, – и резко положил трубку на рычаг.

А, Петров еще долго не выпускал из рук свою, не верил, что все свершилось, а из трубки непрерывно неслоь:
– Ту... ту... ту...

Глава 2. Светлана

Светлана проснулась. Она лежала высоко на подушке, заложив руки за голову, и всматривалась в темноту; где лишь по очертаниям угадывались отдельные предметы, принявшие какие-то загадочные и причудливые формы; наполовину зашторенное окно выделялось тусклым серым пятном; блики от уличного фонаря отсвечивались на потолке, отражаясь в зеркале туалетного столика.

Светлана прислушивалась... Ровное, спокойное дыхание Лизы доносилось с соседней кровати. В сонную тишину иногда врываются звуки хлопнувшей двери, передвигаемых предметов, чьих-то шагов, урчания автомобиля. Город просыпался. Близился рассвет.

Ей не спалось...

Приподнявшись на локтях она, напрягая зрение, всмотрелась в темноту: Лиза спала, свернувшись калачиком, подложив руку под щеку, и чему-то сладко улыбалась.

Вчера они были в театре, а затем поехали к ней ночевать. Долго болтали о всякой всячине, присущей лишь женщинам, и легли очень поздно.

Не спится... Голова светлая, как стеклышко, и все мысли, мысли...

Последнее время мозг сверлит один и тот же вопрос: счастлива ли она?

Вот и сейчас...

Закрыв глаза, она представили себя в окружении ежедневных дел, дома с мужем и дочкой, в кругу друзей в архитектурной мастерской. Наверно она счастлива, почему бы нет? Муж – доцент; Наташа растет бодрым здоровым ребенком. Сама работает архитектором в ведущем институте, Что еще надо? Жизнь полна забот о муже, Наташа, с ее миром кукол и детских забав. Конечно, она счастлива! Что еще нужно для счастья? Дурацкий вопрос.

Почему же он возникает?

Словно два человека сидело в душе Светланы. Один говорил разумом, что все хорошо, что лучше не могло бы и быть, а второй где-то в глубине поддразнивал:

– Нет, ты обманываешь себя, у тебя не все хорошо, тебе нужно большего, тебе нужно...

– Прочь проклятые мысли! Зачем они вновь появляются? ... Геннадий? ... Но ведь прошло столько лет... Орлов? Но причем тут он, похож? Есть что-то общее?

Не спится... Мысли бегут, унося куда-то в прошлое...

* * *

Светлана рано сформировалась из подростка в девушку, и потому быть может, за ней всегда увивался хвост мальчишек. Но в школе она поцеловалась только один раз с Колей одноклассником, в день выпуска. Тогда все на площади обнимались, целовались, и они тоже. Коля уехал с родителями на Север.

До встречи с Геннадием она только смеялась в лицо своим поклонникам. Ей действительно было смешно от их ухаживаний, неестественного поведения. Однокурсники, оставаясь с ней наедине, терялись, вели себя глупо, говорили какие-то жалкие слова, а ей было смешно, и она хохотала им в глаза.

А вот Геннадий. С ним все было по-другому.

...Тогда под Москвой, прошел густой крупный снег, очертания деревьев, просеки, по которой шла лыжня, все сразу изменилось, стало новым и необычным. Светлана долго искала знакомый поворот, но, видно, свернула не там, где нужно и заблудилась. Пытаясь найти правильное направление, она начала кружить по одному и тому же месту. Теперь, потеряв всякую ориентацию, шла вперед с единственной надеждой встретить кого-нибудь. Мороз крепчал. Солнце садилось за лес. Когда она окончательно выбилась из сил и уже перестала верить

в возможность найти свою просеку, из-за поворота показался лыжник. Он крупным шагом шел ей навстречу.

Светлана в изнеможении села прямо на лыжню и расплакалась.

– Что случилось? Что с Вами девушка? – спросил лыжник.

Стыдясь своих слез и одновременно радуясь встрече, она, всхлипывая, рассказала, что потеряла дорогу. Оказалось, ушла в сторону километров на пятнадцать. Он отдал ей свою куртку и, подбадривая громкими выкриками:

– Вперед! ... Ну, еще немного! ... – повел за собой. К месту добрались поздним вечером. Так они познакомились...

Когда через несколько дней он позвонил, чтобы пригласить на концерт, она сразу согласилась.

Выступал танцевальный ансамбль. Один номер сменялся другим: то танцы Севера, то индийские, то негритянские. Светлана была в восторге. Натянутость первых минут быстро прошла, и в перерыве они уже прогуливались по вестибюлю как старые друзья. Когда во втором отделении Геннадий взял ее руку, она не отняла, а ответила крепким пожатием.

Расставаясь, Геннадий спросил:

– В воскресенье на лыжах?

– С тобой хоть на край света – смеясь, ответила она.

Время стремительно летело. Встречи, вначале редкие, участились, а затем стали постоянными. Весь окружающий мир, наполненный его присутствием, улыбками, делами, изменился для Светланы.

Геннадий был человеком увлекающимся. Особой его страстью были горы. Дома в его комнате вся стена была завешана фотографиями горных вершин, хребтов, отрогов, ледников. Среди всего этого нагромождения, совершенно неизвестных для Светланы форм, стояли улыбающиеся парни, обвитые веревками, в штормовках с рюкзаками за плечами и ледорубами в руках. Он много и увлекательно рассказывал о горах, о сложных восхождениях, о своих товарищах – альпинистах.

Светлана познакомилась с его друзьями. Это были мужественные и смелые люди.

Летом решили вместе поехать в альпинистский лагерь, где Геннадий будет работать инструктором, а затем в спортивной группе совершит ряд сложных восхождений.

Экзамены за третий курс позади, а впереди – встреча с неизвестным. Поезд мчит Светлану на юг. Мерно постукивают колеса. В окно купейного вагона врывается южное горячее солнце. Встречный ветер ласкает, приятно забираясь под полы одежды.

Светлана – сама свежесть... Ее все радует. Улыбка не сходит с уст. Как же, она впервые едет на юг к загадочным и неизведанным горам, где ее ждет Геннадий. Вместе с ней радуются ее соседи по купе – молодые супруги Женя и Вера, и агроном Ростовцев из Краснодарского края.

Вера старше Светланы на два года. Они подружились.

– Любишь? – спрашивает Вера, узнав от Светланы, что она едет к Геннадию

– Люблю, – признается Светлана.

Агроном отцовски поучает:

– И что в этом хорошего, лазать по горам? Вы к нам приезжайте. Простор. А когда хлеба созревают! Это же море! Смотришь и радуешься – вот он твой труд, твоя кровь.

Вечереет. Наступает ночь...

– Как вы?.. Я не представляю, как это вместе?.. – таинственно спрашивает Светлана, пристроившись рядышком с Верой, подоткнув разутые ноги байковым одеялом.

– Хорошо ... – зажмурив глаза, отвечает Вера.

Минеральные Воды. Расталкивая пассажиров, Геннадий врывается в купе. У него букет красивых неизвестных цветов. Сам он – стройный, потемневший от горного солнца, в серой альпийской шляпе.

– Кто же так укладывает рюкзак? – бросает Геннадий и поднимая комковатый, как ватная подушка Светланин мешок.

– Ну, ничего научим – покровительственно говорит он, обнимая Светлану.

В Домбай – место альпинистского лагеря – добрались на лагерном автобусе. Геннадий в приподнятом настроении, рассказывал:

– Уже съехала вся спортивная группа, приступили к тренировкам...

Из Карачаевска дорога, извиваясь по горной местности, бежала правым берегом реки Теберды, а затем по мосту перебросилась на левый.

– Смотри, – показывает Геннадий; на фоне зеленого леса хорошо выделялся красноватый утес, на котором прочно зацепился старинный храм.

– Это один из знаменитых христианских храмов. Видишь, вон там, у подножия горы белеют строения бывшего женского монастыря? Говорят, он построен без единого мужчины, самими монахинями. Вот и говори после этого, что женщины слабый пол.

Выросшая среди равнин, Светлана на все смотрела широко раскрытыми от удивления и радости глазами. Вон светлый орешник, за ним темная дубовая роща с могучими кряжистыми стволами, за которой встают голубые горы с их белоснежными вершинами.

– Вот и Теберда, – объявил Геннадий.

– Видишь вон эти причудливые изломы. Это Чертова гора или Шайтан Баши, а там...

Миновав мост через речку Гоначхир, дорога начала забирать круто вверх.

Домбай! Небольшая окруженная горами зеленая поляна. Райский уголок, в центре которого три речки слились в один мощный поток. Солнце садилось, озарив белоснежные вершины ярким розовым пламенем.

Утром следующего дня, когда солнце только еще вышло из-за гор и все кругом искрилось ранним утренним блеском: лагерь проснулся; было прохладно; первые яркие лучи еще не грели, а только чуть ласкали; внизу под горой о чем-то монотонно говорила горная речка. Умывшись ледяной водой, позавтракав, Светлана с Геннадием отправились на обзорную площадку. Сквозь густой пихтовый лес, с его огромными гордо устремившими свои стволы в высоту деревьями. Сквозь густые заросли стелющегося можжевельника и рододендрона, тропа все круче и круче уходила вверх. Зона альпийских лугов. Высокая сочная трава в человеческий рост, тысячи разбросанных цветов: тут и васильки, и незабудки, и тюльпаны. Но вот лес оборвался, и перед глазами открылась величественная панорама раскинувшихся гор. Геннадий крепко сжимает руку Светланы.

– Ну как, нравится?

– Страшно красиво! Можно я буду здесь рисовать?..

– А теперь смотри. Вон там проходит Главный Кавказский хребет. Наша Домбайская поляна находится на высоте тысяча шестьсот метров, горные вершины, окружающие ее, три – четыре километра высотой. Вот эта пирамида Бела – Лакая, а рядом с ней ослепительно сверкает вечно белая от снега Софруджу, с вершины, которой можно увидеть море.

Внизу перед ними расстилалось огромное пространство, всю ширь которого можно было ощутить лишь отсюда, сверху. Геннадий говорил еще и еще, рассказывал об альпинистских маршрутах, сложных восхождениях, но Светлана его уже не слушала, она просто смотрела на его загоревшее лицо, открытую шею, обнаженные сильные руки...

Ниже их, справа, была небольшая ровная площадка. Геннадий спустился туда и протянул руки Светлане. Всей тяжестью своего тела, поддавшись вперед, она обняла его за шею; он легко подхватил ее и понес. Очутившись на площадке, она так и не отнимала своих рук...

Они лежали в высокой траве альпийского луга. Пахло горячей травой. Жужжали, перелетая с цветка на цветок пчелы и осы. Над ними голубело лазурное бесконечное небо.

В лагере, оживленном от нахлынувших со всех концов страны молодыми, отчаянными парнями и девушками, наступили учебные будни. Светлану определили во второй отряд.

Начальником отряда был профессор Кирилл Павлович Лукьянов, который сам уже не совершал сложных спортивных восхождений, но по-прежнему, ежегодно приезжал в лагерь вместе со своей женой Софьей Владимировной и руководил подготовкой новичков на значок «Альпинист СССР».

Геннадий жил в инструкторском городке, в стороне от общего лагеря за столовой, чуть выше по склону. Светлана часто приходила к нему и здесь познакомилась с женой Лукьянова. Софья Владимировна стала приглашать ее к себе и, как сторожил лагеря, покровительствовала во многих делах.

За занятиями, тренировками проходило все время. Освобождались только после ужина. Из столовой с криками и присвистами вываливалась ватага второго отряда.

– Славик, вы куда? – кричала длинная Наташка, которую прозвали кочергой.

– Мы на речку.

– Подождите, мы с Галей забежим на минутку в палатку.

– Ребята, кто с нами? У нас две гитары.

– Серый, сбегай за Костей, пусть прихватит свистульку...

Постепенно толпа редела и все разбредалось небольшими компаниями в разные стороны. Но вот уже раздалась первые аккорды, и под гитару звучат задорные альпинистские песни.

Светлана пошла к Софье Владимировне, пить чай с конфетами «ассорти». Геннадий был занят, он с группой мастеров готовился к штурму Северной стены.

– Как, привыкаешь к горной жизни? – разливая чай в чашки на маленьком столике в углу, спросила Софья Владимировна.

– Мы с Кириллом не можем проводить отпуск по-другому, только в горах. А какая прелесть в феврале, настоящий зимний пляж. Кирилл говорит, что его научные труды не писались бы так плодотворно, если бы он не ездил в горы. Он здесь вдохновляется и получает зарядку на целый год. Кстати, Кирилл очень тепло отзывается о Гене. Ценит его способности, как будущего ученого. Здесь в лагере он самая популярная личность. Все с большим интересом ожидают их штурм. Парни подражают ему в манере держаться и говорить, а девушки не сводят глаз. Если бы не мои пятьдесят, я бы тоже влюбилась.

– А мне страшно, Софья Владимировна. Я просто боюсь, ведь это так опасно. Полтора километра почти отвесной стены, а если что-нибудь случится? Нет, нет! Я, конечно, желаю им успеха, но я боюсь за него. Зачем это так рисковать, зачем? Для чего он взял меня сюда? Я не знаю, как пережить эти три дня.

– Света, тебе нельзя так волноваться. Я тоже прежде была неспокойна, когда Кирилл уходил в горы, а потом поверила в его силу, умение, осторожность. Мужчине риск необходим, он должен что-то совершать, покорять новые вершины, бороться с трудностями. Здесь, в горах ну... как на войне. Разве ты полюбила бы его другим? Конечно, нет. Успокойся девочка, все будет нормально. Хочешь, мы поедем наблюдать за штурмом? У Кирилла есть большая подзорная труба.

Занятый подготовкой Геннадий почти не встречался со Светой. Лишь накануне, когда штурмовой группе дали день отдыха, вместе пошли к Большому водопаду.

В темной отшлифованной скале, отвесно нависавшей над глубоким ущельем, из многочисленных расщелин вырывались мощные струи воды, то увеличивая, то уменьшая свой напор.

Казалось, что таинственный волшебник, спрятавшись где-то в глубине горы, расшалился и играет этими естественными фонтанами. Брызги от водопада подхватывались порывами легкого ветерка. На фоне темного горного неба горела яркая радуга. Светлана и Геннадий устроились на небольшой террасе и, прижавшись, друг к другу, грелись в лучах утреннего солнца. Каждый думал о своем. Ему впервые доверили руководство сложным восхождением. Она переживала за него.

– Я боюсь за тебя. Будь осторожней, родной. Ведь это очень опасно? Да? Скажи?..

Геннадий задумался. Маршрут действительно сложный, две ночи на отвесной скале; три отрицательных угла; придется забить более сотни крючьев, ближе к вершине ледовый участок. Странно, но он не чувствовал опасности и не испытывал страха. Его тянуло туда на эту отвесную, как стена, скалу.

– Со мной отличные ребята. Мы сработались, и будем надежно страховать друг друга – ответил он.

Под ними ревела и клокотала низвергающаяся в бездну вода.

– Пошли, надо еще раз все проверить и на отдых. Выезжаем завтра на рассвете, затем большой переход, послезавтра... Штурм.

...В эти дни лагерь жил известиями о спортивной группе. У столовой на специальном стенде вывесили схему прохождения маршрута. На схеме флажками отмечали точки, завоеванные у стены.

Альпинисты, обсуждая детали, всегда толпились у стенда.

– Здесь ночевка. Парень в серой вязаной шапочке с помпоном, ткнул пальцем в изображенный на схеме карниз.

– Ничего ты не знаешь, темнота, – презрительно вмешался другой в шляпе с пером, – на таких местах не ночуют...

– Ребята, а это восхождение какой категории? – спрашивал веснушчатый новичок.

Светлана подолгу стояла у стенда, слушая, о чем говорят...

На второй день, когда Кирилл Павлович взял Светлану с собой, спортсмены должны были пройти две трети маршрута и зацепиться на ночевку перед наиболее сложным участком.

От места, куда подъехали на машине, пришлось идти часа два, поочередно неся тяжелую трубу с треногой.

Наконец, после изнурительного подъема, расположились на плоской площадке противоположного склона. Кирилл Павлович настроил трубу, Софья Владимировна вскинула бинокль.

С этого наблюдательного пункта хорошо просматривалась северная часть всего вздыбленного массива: с усеченной доской огромной стены. Суровая и неприступная, она вызывающе взирала на окружающий мир. Даже солнце только к вечеру осторожно притрагивалось к ней своими косыми лучами. Отсюда, с большого расстояния, отдельные детали рельефа сглаживались и лишь по белому снегу, приклеившемуся между серых припорошенных скал, можно было различить кое-какие неровности.

Светлана ничего не соображала, сердце тяжело стучало и гулко отдавалось в голове. Она с неприязнью смотрела на эту большую мрачную гору, таящую в себе столько опасности.

– Вон там, куда показывают руками, четыре маленькие точки, но что они по сравнению с этим могучим исполином? Стоит ему чуть-чуть шевельнуть своим хребтом, и он сбросит их прочь.

Ей дали глянуть в подзорную трубу. Между крестиками и делениями просматривались очертания отдельных деталей, и вот четыре человеческие фигурки! Двое вверху, двое несколько ниже. Сердце замерло. В ярко оранжевых куртках они четко выделялись на общем сером фоне.

Она чутьем узнала Геннадия в верхнем альпинисте справа. Он стоял на небольшой полочке, отклонившись всем корпусом в сторону пропасти, очевидно, привязанный к вбитому крюку. Правой рукой делал какие-то движения.

Направив трубу вверх по предполагаемому ходу маршрута. Светлана замерла. Нависающие черные скалы! Лед, снег! Ни одной площадки, где можно было стать, либо примоститься, а внизу – зияющая пропасть. Ей показалось, будто бы он повернулся, и машет рукой. Помутилось в глазах, закружилась голова. Чтобы устоять, Светлана отошла и села на камень.

– Тяжело? – спросила Софья Владимировна, обняв Светлану за плечи.

– Будь мужественной, все идет по программе. Завтра решающий день, а послезавтра... вместе. Ну-ну, – и она поцеловала Светлану в щеку.

– Я должна сделать ему подарок, пусть это будет память о нашей встрече. Светлана взяла принесенный с собой мольберт, краски, бумагу: выбрала наиболее подходящую точку и начала рисовать.

– Надо схватить главное, остальное допишу дома, – решила она.

– Быстрее, быстрее, пока не наступил вечер.

Но как передать всю эту суровую красоту? Как найти верное соотношение красок, скал, неба, снега, чтобы рисунок зазвучал теми чувствами, которыми она полна?

Светлана, в своем воображении вместе с альпинистами перебиралась с полки на полку, с карниза на карниз, забивала крючья. Она все время представляла эту отвесную стену со снегом и льдом и понимала;

– Отколись уступ, за который ты держишься рукой, или соскользни нога. Ты летишь в пропасть маятником на двойную длину веревки, хотя тебя и страхуют снизу.

Теперь она так же, как и все, а может еще больше, гордилась его мужеством, восхищалась его смелостью...

– Подтянуть животики! Сми – и – и – рна! Все вместе, дружно! Так! Еще раз! – командовал дежурный по лагерю молодцеватый разрядник Вася.

Стройная шеренга единым дыханием рвала:

– Привет участникам штурма.

– Не вижу улыбок! – грассируя, выговаривал Вася.

– Кто с цветами проходите вперед.

Лагерь всем своим много сотенным составом выстроился на торжественную линейку для встречи победителей. Вот и они. Отдается рапорт...

Светлана стоит в своей шеренге, и смотрит, смотрит:

– Боже! Как он похудел за эти дни. На обветренном лице солнечные ожоги. Губы с налетом розовой пленки. Быстрее, кончайте речи! Дайте мне, как следует взглянуть на него.

Геннадий ищет глазами Светлану, их взгляды встречаются. Официальная часть закончена, все бросаются к героям. Их качают, высоко подбрасывая вверх, кричат:

– Ур – Ра – Ааа.

Расталкивая толпу, Светлана добирается до него, и они вместе летят вверх.

– Жив? Здоров? Родной!.. Я так переживала. Ты устал?

Она, нисколько не стесняясь, обняла его; Они идут рядом радостные, возбужденные.

– Я написала для тебя маленькую картинку... с горами. Это мой подарок шепчет Светлана.

Он крепко прижимает ее к себе: и ласково говорит

– В сентябре сыграем свадьбу.

Светлане хорошо, комок подкатывается к горлу. Она гордится им, гордится своей любовью!

Вскоре они расстались. Геннадий уехал в Безынгийский район для участия в ряде восхождений, Светлана с Кириллом Павловичем и Софьей Владимировной пошли через Клухорский перевал в Сухуми, завершить свой отпуск на море...

Светлана приехала домой черная от южного загара, свежая, окрепшая.

– Mamochka, письма есть? – Прямо с порога спросила она, обнимая и целуя мать.

– Есть два, – ответила мать. – Как ты отдыхала, доченька? Рассказывай, я уже соскучилась по тебе.

– Сейчас мамочка, дай прочитаю письма.

Ну конечно это были письма от него. Это его строгий и четкий почерк. Она прямо с дороги, не переодеваясь, схватила письма и пошла в свою комнату. В первом письме Геннадий писал, о том, как добрались, об организации долинного базового лагеря, о ребятах. « Скоро вверх, скучаю и жду встречи с тобой».

Второе письмо было написано за несколько дней до восхождения. Он писал: «Дорогая Света! Пользуясь отправкой наших вьючных ишаков в селение за продуктами, посылаю тебе второе письмо. Прошло пятнадцать дней, как мы расстались, а мне уже тоскливо без тебя. Мы разбили свой бивуачный лагерь в районе Безынгайского ледника. Устроились хорошо, даже с некоторым комфортом. Несколько раз выходили в двух – трехдневные походы для изучения обстановки. На днях начнем забрасывать промежуточные базы. Горы здесь несколько иные, более суровые, чем те, которые ты видела в Домбае. Предстоит много работать со льдом. На днях у нас с Сергеем произошел курьезный случай. Мы спустились вниз в зону лугов. Там познакомились с местным чабаном, который пас большую отару овец. В знак особого уважения он приготовил нам по-своему барана, зажарив его целиком на вертеле. Мясо было настолько вкусным, что мы съели барана вдвоем. Стало плохо. Пришлось лезть в ледяную горную речку. Этим и спаслись.

Все время думаю о тебе. Твоя картина со мной. Это для меня самый дорогой подарок.

Приеду примерно в 20-х числах. О нашем намерении написал своим родителям. Пообещал, сразу же после приезда, познакомить с тобой. Они у меня очень хорошие славные люди.

Ты наверно сейчас где-то на море, пляжишься и объедаешься фруктами, но так как не знаю где, пишу тебе в Москву. До скорой встречи. Крепко целую, твой Геннадий».

Светлана окончила читать и взглянула на листок календаря: «Он приедет через три дня!»

Мамочка, – крикнула она, – иди сюда.

Мать зашла к ней в комнату.

– Света переодевайся быстрее. У меня сегодня пирог с яблоками, – сказала она.

– Мама! – просияла Светлана. – Мамочка! Я выхожу замуж! Он такой, такой хороший.

И она быстро, чтобы не дать матери опомниться, начала рассказывать ей про Геннадия. Об их встречах в Москве, об их поездке на Кавказ, о том какой он смелый и мужественный.

– Я люблю его.

Она достала его фотографию, поцеловала и отдала матери.

Мать, ничего не говоря, молча, смотрела на дочь. Такой возбужденной с сияющими глазами она прежде не видела ее.

– Как же так? Почему не посоветовалась?

Материнская обида, чуть не захлестнула ее, но она успокоилась, подумав, что это должно было когда-то произойти, просто казалось, что это еще не скоро. Но что поделаешь? Лишь бы были счастливы.

Светлана умылась, переделась. Они пили чай с яблочным пирогом, а затем вместе целый день планировали, где будет свадьба, что необходимо приготовить, где они будут жить...

Счастливая, в ожидании больших перемен, с тревогами предстоящих хлопот, а главное с мыслями о скорой встрече, усталая Светлана заснула без сновидений.

Утром позавтракав, приняв освежающий душ, в приподнятом настроении, она поставила пластинку, и, подтанцовывая в такт музыке, разбирала свои наряды, решая, в чем его встретить...

В дверях раздался звонок. Кто бы это мог быть? Мурлыча под нос полюбившуюся мелодию, она пошла открывать.

В дверях стояли Кирилл Павлович и Софья Владимировна.

Из Сухуми супруги уехали в Крым, договорившись, что в Москве обязательно встретятся.

– Какая радость – вскрикнула Светлана и бросилась обнимать Софью Владимировну.

– Заходите, заходите! Мамочка, иди я тебя познакомлю... Лица, гостей почему-то не выражали радости. Вошли в комнату. Сели.

– Мама, чем будем угощать?

– Подожди Светлана, – тихо сказал Кирилл Павлович и, дотянувшись до проигрывателя, выключил музыку. Мрачное, серое выражение его лица, навлекло на тревожные мысли:

– Что случилось? – посмотрела в его глаза, они выражали какую-то глубокую безраздельную скорбь.

– Не может быть. Нет! Нет!...

Светлана встала, руки ее словно у провинившегося школьника сами собой легли по швам.

Предчувствие чего-то страшного, пригвоздило к месту.

– Светлана, – каким-то далеким холодным голосом произнес он,

– Светлана, сядь, пожалуйста.

Она продолжала стоять.

– Светлана, будь мужественной, – приплыло издалека,

– мы пришли для того, чтобы сообщить, что Геннадий... погиб... спасая товарищей, что...

Она уже поняла на мгновение раньше, поняла по выражению его глаз, по его помертвевшему голосу.

– А – а – а, – словно стон раненной птицы вырвалось из уст и, запрокинув голову, она начала падать назад.

...Когда очнулась, был вечер. Она лежала в постели, над ней склонилась мать, по ее щекам текли слезы. И тотчас в сознании восстановился весь ужас происшедшего.

– Я еще жива? Зачем? А он, где-то там, под холодными камнями и снегом. Его нет... и, ничего от него не осталось. Почему тогда, не была с ним близкой во всем. Почему? Был бы ребенок. Я бы всю свою любовь отдала ему. А теперь? Зачем жить. Для чего? – Она закрыла глаза.

– Доченька, родная, – доносились ласковые тихие слова матери, – ну что же ты так? Видно крепко полюбила.

Мать гладила ее по щекам, по лбу. Раскрытые глаза Светланы удивленно смотрели на мать: «Ну что она может понять?»

– Вот и у меня так было в сорок четвертом, продолжал тихий ласковый голос, – приехали офицеры штаба и сказали:

«Отец твой погиб смертью храбрых».

Видно уж такая наша женская доля.

Мать зарыдала и прижалась к дочери. Светлана лежала в тупом оцепенении.

Потрясение было настолько сильным, что Светлана долго не могла оправиться. Приглашали лучших врачей. Приходили подруги, Софья Владимировна. Все о чем-то хлопотали, а ей было все безразлично. Она похудела, щеки ввалились. В институте пришлось взять административный отпуск.

Лишь через полгода начала приходить в себя, рана постепенно зарубцевалась...

Арнольд познакомился с ней в период защиты. Он входил в состав экзаменационной комиссии, задавал вопросы.

– На какие группы делятся горные породы? – спрашивал он. И когда она в своем ответе спутала породы метаморфические и осадочные, а мрамор отнесла к изверженным, он укоризненно, но доброжелательно сказал:

– Архитектору надо разбираться в природных строительных материалах.

На этом их знакомство закончилось. Прежде она не встречала его, так как он преподавал недавно, и кафедра стройматериалов для архитекторов была неосновной. На выпускном вечере Арнольд Григорьевич подсел к ней за стол. Он не был теперь экзаменатором, выглядел не так

строго, как на экзаменах, вел себя непринужденно и занятно, веселился вместе со всеми. Ей показалось, что он был ровесником.

– Вы узнаете меня Светлана? Я, правда, несколько смутил Вас на экзаменах, но прошу, простите меня. Уверяю, что это не повлияло на Вашу оценку. Теперь я с Вами равный и это дает мне право пригласить Вас на танец.

Они танцевали. Позже он попросил:

– Прошу Вас зовите меня просто Арнольд, так будет лучше.

Через несколько дней он уже хлопотал об ее назначении. Вскоре стал частым гостем в их доме, приносил цветы, интересовался здоровьем мамы.

Будучи весьма пунктуальным, приходил к ним по пятницам, к семи вечера. Мама привыкла к этому распорядку и уже накануне хлопотала на кухне, стряпала вкусные пироги, торты, печенья. Пили чай. Арнольд Григорьевич рассказывал о своих делах на кафедре.

Однажды, когда в очередную пятницу он не пришел, мать забеспокоилась, а когда Светлана пренебрежительно сказала:

– Не пришел ладно, пришел тоже ладно, какая разница, мама?

Мать с обидой ответила:

– Ты еще молода и глупа, ну чем плохой мужчина? Симпатичный, молодой, обходительный, кандидат наук. Я лучшего и не желаю для тебя, о таких говорят – блестящая партия. Ты присмотришься, дуреха, и призадумайся, мне кажется у него серьезные намерения.

– Да ладно уж, мама – безразлично ответила дочь. Но случилось так, что после этого разговора, они стали чаще встречаться, вместе проводили время, ходили в гости.

Светлану удивляли его способности: всех знать, быть очень общительным: он мог достать билеты в любой театр, провести без очереди в ресторан, свободно вел себя с учеными и художниками, артистами и инженерами. Затем она привыкла к нему, и это стало в ее жизни чем-то постоянным и обязательным.

Новогодний праздник встречали в ресторане. От большого количества выпитого шампанского, было шумно и весело.

Когда Арнольд Григорьевич провожал Светлану, был уже четвертый час. Погода стояла безветренная, крупные хлопья снега, как маленькие парашюты, плавно падали, покрывая все своими сверкающими куполами. Яркая иллюминация, новогодние елки, веселые компании, влюбленные пары – все это наполняло атмосферу особым праздничным гомоном.

В эту ночь он сказал ей, что жить без нее не может и предложил выйти замуж. Она согласилась.

В то же утро, когда они пришли домой, он сказал Светиной маме:

– Анна Петровна, я предложил Светлане выйти за меня замуж, она дала свое согласие, но естественно мы можем пойти на этот шаг только с вашего разрешения, поэтому я прошу руки вашей дочери.

– Что вы, что вы, Арнольд Григорьевич, сейчас не те времена, – радостно ответила мать, – ну и если вы оба решились на такой шаг, то я конечно согласна. Дайте же быстрее я вас обоих поцелую. Будьте счастливы.

Затем они поехали к матери Арнольда. Это была маленькая худая старушка. Она очень надменно и холодно приняла будущую невестку. Все свое внимание уделяла сыну, на нее же смотрела не более, чем как на красивую брошь, которую ее сын выбрал к своему галстуку. Ее поведение говорило о том большом влиянии, которое она имела на Арнольда.

Немного поговорив, продолжая рассматривать Светлану, она, наконец, пригласила их на чай, дав тем самым понять, что и она согласна на их брак.

Свадьбу сыграли в феврале. Зарегистрировались в лучшем Дворце бракосочетаний. Все шло хорошо, Въехали в новую квартиру. Арнольд был внимателен, предугадывал каждое ее

желанию много делал по благоустройству квартиры, помогал ей во всем, не жалел денег на ее наряды. Воспоминания о Геннадии ушли как-то сами собой.

Через год родилась Наташенька и заслонила собой все. Арнольд Григорьевич, хотя и считал, что все заботы по дому и воспитанию детей, должны ложиться на плечи жены, однако и сам развил бурную деятельность, что-то бесконечно приносил, теребил ее расспросами, проявлял внимание, копошился.

Но бабушка сразу же заняла передовые рубежи и никого не подпускала к внучке, она была без ума от нее.

Арнольд Григорьевич писал докторскую, много работал.

Как-то у них дома организовали небольшую вечеринку. Были приглашены целая плеяда научных светил с женами и конечно старик Тарасов – шеф Арнольда. После хорошего угощения, гости разбрелись по группкам и оживленно беседовали.

– Вы читали работу Герасимова? ... Ну что вы! ... Своими доводами он полностью разбил Хирсанова...

– Да, Вы спрашиваете, защитился ли Семен Петрович. Ни одного черного шара. Правда, оппонент попался дрянной, все напирал на малое практическое значение, на невозможность внедрения...

Включили магнитофон. Светлана станцевала так, как она умела. Все были в восторге, особенно старик. Он сидел со сверкающими глазами и не сводил с неё глаз.

Подошел Арнольд:

– Светочка, я тебя очень прошу, побудь с ним поближе, даже если нетрудно, пококетничай – сказал он.

– Ну что тебе стоит? А для меня это очень важно. Мой шеф любит быть в компании красивых женщин.

Она, сморщившись, удивленно посмотрела на мужа.

– Раз тебе это неприятно... тогда не надо, – с обидой бросил Арнольд, – но для меня... это... и он махнул рукой. Она согласилась.

Остаток вечера провела рядом с профессором. Он говорил ей какие-то банальные вещи, теребил ее руку своими старческими пальцами, чмокал в локоть беззубым ртом, даже попытался пригласить на свидание.

Было противно, но, играя роль хозяйки и отдавая должное важному гостю, она терпела...

...Когда после нескольких лет разлуки, Светлана случайно встретила Лизой, (в институте они учились на разных курсах) Светлана обрадовалась. Они подружились. Общность интересов супругов, еще более сблизилась... Жизнь шла своим чередом. Проходили годы. Все знакомые и друзья считали, что их дом – полная чаша. Все хорошо, все у них есть, Но иногда, Светлана ощущала, что ей чего-то не хватает, между ней и мужем нет искренности, общих взаимных интересов...

На улице было уже совсем светло, а Лиза все еще спала. За окном шел мягкий снег, воздух в комнате был теплый, приятный. Светлана встала, немного приоткрыла форточку, вдохнула струю свежего воздуха и села на пуф у туалетного столика.

Воспоминания о прошлом тревожили. Всматриваясь в свое лицо, она начала расчесывать выющиеся шелковистые волосы, затем сколола их большим узлом и разложила щеточки, кисточки, щипчики, приготовив их для работы.

– Что-то изменилось за последнее время, – думала она, – благополучие и ход жизни прежние, но все стало как-то уж слишком безоблачно, слишком пресно. Кроме Наташеньки меня ничего не волнует. Арнольд только и занят своей диссертацией, мои дела его совершенно не интересуют. Вся эта борьба у них на кафедре, подобна буре в чашке чая. Он любит брать меня на различные банкеты и приемы больше для себя, чтобы я выделяла его, и все говорили:

– Смотрите, какая красивая жена у Довжецкого, он и тут преуспел.

Нанося на кожу смягчающий крем и распределяя его легким поглаживающим движением, она машинально начала массировать лицо...

– Раз, два, три, четыре, – считала она в такт движениям своих пальцев.

– Для чего ты задаешь себе эти вопросы? Видно тот, второй человек, никак не успокоится. Пережив однажды, второго не бывает, ...да и кто он такой, этот Орлов? Ты его совершенно не знаешь... Похож на Геннадия? ... Ну и что? Просто, та старая рана немного заныла и ты взволновалась? ... Перестань! Будь верной женой.

За мыслями Светлана не заметила, как Лиза проснулась, и когда та поцеловала ее в голую спину в разрезе ночного пеньюара, вздрогнула.

– Доброе утро, – прошептала Лиза, обняв Светлану за плечи.

– Ну и красивая ты, Светка, я просто завидую тебе. Что ж ты так? Сама встала, наводишь красоту, а про меня забыла? – продолжала она игриво.

– Нет, нет, что ты? Ты так сладко спала, что мне было совестно тебя будить.

– Света, я все хочу спросить, – загадочно прошептала Лиза, – как Вы живете с Арнольдом?

– Ты знаешь, – продолжала она, – я так люблю своего Костика, он такой славный и мне все хочется узнать, а как у других? Любишь ты его?

Светлана задумалась: – Мне трудно ответить на этот вопрос. Кажется, люблю...

– Ну что ты, Света! Разве можно сомневаться. У тебя такой муж, скоро доктор наук. А если заскучала, заведи любовника, так многие сейчас делают.

– Да ты что, Лиза? О чем говоришь? И так спокойно, будто речь идет о домашней собачке.

Ты что сама...

– Ну, ну! – перебила Лиза и поднесла палец к губам, – об этом у женщин не спрашивают. Они встали и, не одеваясь, в ночных рубашках пошли умываться и пить кофе.

Глава 3. Погружение

Пронизывающий февральский ветер забирался во все щели, нахально лез за воротники, срывал шапки, заметал снегом дороги. Но народ на стройке был упрямый. Строители приспособились, привыкли к зиме. Научились греться в теплушках, прикрывать бетон и раствор от мороза, долбить и грызть мёрзлую землю, бетонировать, варить, монтировать, прямо на холоде.

К зеленому вагону, стоящему на полозьях из труб, к которому были приставлены два щитовых домика так, что образовалась буква «П», подкатывали машины разных калибров: двухместные москвичи или как их здесь прозвали «шиньоны» и «полуботинки», грузовые узики с самодельным надстроенным салоном, «козлы» – ГАЗ-69, просто грузовые «летучки».

Это начальники строительных управлений, специализированных участков, различных служб и подразделений съезжались сюда, в контору начальника СМУ-3 Киселева, где Орлов назначил совещание по общим вопросам всей стройки. С красными обветренными лицами, плотные и круглые в своих меховых дубленых куртках, валенках, унтах и сапогах они протискивались в двери, занимали места подалеже от председательского стола, закуривали. Орлова еще не было...

С приходом нового начальника их жизнь круто изменилась. То, о чем прежде только говорили, как о далеком будущем, при нем становилось реальностью. Подготовительный период заканчивался, начинались дела по строительству основных объектов. Создавались новые управления, менялись люди.

Киселев – широколицый, обрюзгший, с первыми признаками появившегося брюшка, в шапке-ушанке и наброшенным на плечи меховым полупальто взволнованно топтался у входа, ожидая приезда начальника.

Он видел как черная «Волга» Орлова проскочила мимо управления на стройку, но ехать за ней не решился.

На людях Киселев вел себя с Орловым достойно. Он вступал в пререкания, находя способы «надавить» на начальство, постоянно напоирая на то, что такой-то вопрос остался нерешенным, что он во время докладывал, во время заказал, но ему не доставили то, что ему надо... ему не помогают, что он всей душой...

В действительности же под внешней наигранностью была пустота и, понимая это, Киселев чувствовал себя неважно. Чувство неуверенности росло с каждым днем, с тех пор как новый начальник стал ежедневно объезжать объекты, лазить во все «злачные» места, проверять, как выполняются его распоряжения. Правда последнюю неделю Орлов прекратил приезжать, это успокоило Киселева, и он решил, что «компания прошла, можно работать без надзора».

Но сегодня Орлов опять проехал прямо на стройку, не захватив Киселева с собой. Месяц приближался к концу, подходило время подписывать процентовки. Киселев сосредоточил все свои силы на объектах, которые просил «заказчик». Орлов требовал строить другие. Киселев колебался, не зная, что делать.

Черная «Волга» выскочила с главной дороги и, взвизгнув тормозами, остановилась у входа в вагон. Не замечая Киселева, Орлов дернул за дверь и вместе с волной холодного воздуха вошел в помещение.

От раскаленных спиралей электрической печки в комнате было сухо и душно, пахло кислой овчиной и потом.

Орлов, на ходу сняв пальто, подошел к стоявшему в торце столу, затем обернулся ища крючок или гвоздь, куда бы пальто повесить, но не нашел и бросил его прямо на стол.

– Здравствуйте, товарищи!

Сизый табачный дым плыл над столом.

– Кончайте курить! Снимите свои тулупы и шапки. Что это вообще за хлев?! – раздраженно продолжил он, – даже некуда повесить пальто.

Все зашевелились, гася окурки, кто прямо пальцами, кто о подошву сапога, кто в кусочек бумажки. В углу на длинной деревянной скамейке образовалась куча курток, пальто, шапок.

– Киселев! Где Киселев?

Киселев сидел рядом, закинув ногу за ногу. С чувством собственного достоинства он смотрел на Орлова, приготовился дать отпор возмущенному начальнику.

– Что у вас творится на площадке? Проехать невозможно. Дороги не очищены, да и зачем чистить, когда все люди работают на стройке заводууправления. На основных объектах работы прекращены. Вы что? Заигрываете с заказчиком? А как организована работа? Бетон принимается прямо в снег. Доски тешете топором не могли поставить простейшую циркулярку. Вместо трех рабочих, толкаются по десять. Конкретных заданий нет! ... Что здесь творится? Почему не выполняются мои указания? ... Я. Вас спрашиваю! ... И это на строительстве комбината. Так дело не пойдет, товарищ Киселев. Я, не допущу!...

Орлов действительно был возмущен. Намечая планы по развороту строительства, он понимал, что без привлечения внешних сил, задачу резкого увеличения объемов работ не поднять. Для этого требовалось пойти на определенные жертвы, выполнять невыгодные работы.

Главная задача, которую он поставил, это формировать объекты энергетики: подстанцию, азотно-кислородную и компрессорную станции, парораспределительное устройство. От их пуска зависел дальнейший успех и обеспечение площадки энергоресурсами. Только слепец не мог понять этого.

На протяжении нескольких месяцев он упорно стремился повернуть управление Киселева в нужном направлении. Киселев не менее упорно мешал этому, не желая менять старые методы работы. Такого упорства, такого нежелания Орлову прежде не доводилось встречать. Киселева ему рекомендовали как одного из наиболее сильных руководителей. Его управление всегда выполняло план. Вникнув в дела стройки Орлов, быстро установил причину этих, так называемых «успехов». Киселев работал по всему объекту, выхватывал наиболее выгодный по объему участок, затем бросал его, переводил людей на другой участок, где опять делал то же самое. Такой метод заводил стройку в тупик и оттягивал конечный результат на неопределенное время.

При ломке установившейся традиции, Орлов встретил со стороны начальника полное непонимание и нежелание работать по иному, тупое упрямство, приправленное ссылками на различные объективные причины. Начальник строительства вначале все это терпел, устанавливал ежедневный контроль, Неделю назад, казалось, он, наконец, прошиб этого твердолобого человека, и стройка пошла по необходимому руслу. Но вот сейчас опять весь новый настрой смазан и обращен в нуль. В угоду дирекции будущего комбината, которая могла бы еще потерпеть и пожить в полевых условиях, начальник СМУ-3 перевел всех рабочих на строительство заводууправления.

Киселев, не меняя позы, посмотрел на начальника строительства, затем спокойно опустил закинутую ногу и хотел сказать

«Мне нужно закрывать процентовки. Месяц кончается, и нечем будет платить зарплату». Но сказал другое.

– А что особенного? Да, я временно приостановил работы, но на это есть причины. Вы были заняты, я доложил главному.

И понимая, что лучший метод защиты это – нападение, повысив голос, обрушился на Орлова.

– Где металлоконструкции для подстанции? А экскаватор с клин-бабой? Я жду его неделю. Лучше спросите с товарища Гольдина, почему экскаватора нет? —

Гольдин – начальник управления механизации, вскочил:

- Евгений Николаевич! Экскаватор у Киселева трое суток стоит без дела!
- Так он же неисправен ... – тем же повышенным тоном продолжал Киселев.

– А бетона я получаю всего семьдесят кубометров, вместо ста пятидесяти. Чем я обязан загружать рабочих на этих «важных» объектах? —

С бетоном было тяжело, Орлов это знал. Были конечно трудности, но было ясно и то, Киселев лгал, выкручивался. За неделю он не соизволил ни разу позвонить, приехать. Несмотря на всю свою занятость, Орлов нашел бы время помочь ему. И совершенно четко представляя, что такие вещи не прощаются, что если сейчас не поставить на место этого самонадеянного зарвавшегося человека, на стройке не будет дисциплины, мелкие местнические интересы будут идти в разрез общим, Орлов принял решение:

– Уходите, – тихо сказал он. – Уходите! И что бы духа вашего не было на стройке! – уже громко, с возмущением, глядя прямо в лицо Киселеву, прокричал Орлов.

От неожиданности Киселев опешил и как бы весь сжался, но все еще продолжал сидеть. Тогда Орлов нагнулся к нему, ткнул пальцем в его сторону и еще с большим убеждением спокойно произнес:

– Вы лгун и бездельник. Ухо – ди – те. Не мешайте нам работать. Я отстраняю Вас от руководства управлением.

Киселев попятился, неловко вылез из-за стола и обмякший, неуверенный, тихо пошел к двери.

– Главный инженер управления Брагин Владимир Васильевич, здесь? – уже четким, звонким голосом спросил Орлов.

Брагин встал.

– Вы прибыли недавно, но Ваша анкета, которую я внимательно изучил, говорит, что Вы не новичок на стройке. Назначаю Вас начальником управления, немедленно принимайте дела. Приказ будет подписан сегодня.

Орлов, наконец, сел. В вагоне стояла тишина. Некоторые сидели, опустив голову, большинство смотрело прямо на начальника стройки. Возникшая минутная пауза казалась вечностью. Монотонно жужжала электрическая печь.

– Товарищи, – обратился Орлов к присутствующим, – я собрал Вас здесь, чтобы обсудить ту сложную обстановку, которая сложилась в настоящий момент на стройке. Если в ближайшее время мы не заложим основу для привлечения внешних субподрядчиков, не выполним работ по энергетическим объектам, то резкого увеличения объемов работ на комбинате нечего ожидать. Следовательно, мы не решим основную задачу этого года – втрое увеличить освоение капиталовложений. Считаю необходимым на десять дней, сосредоточить силы всех управлений на химию и оказать помощь товарищу Брагину, – он повернулся в его сторону.

– СМУ-1, Прохоренко, Вы доведете азотно-кислородную.

– Вам, Нуреев, поручается компрессорная, распреустройство, подстанции.

– Вам, Брагин надо немедленно прекратить всякие работы по заводууправлению и все силы направить на технологические эстакады. Общую координацию оставляю за Вами.

Орлов встал и, прохаживаясь вдоль стола, продолжал:

– Нам выделили достаточно техники и транспорта, которые уже поступают на стройку. Всеми необходимыми ресурсами мы обеспечены. Товарищи из Москвы обещают организовать их реализацию с опережением сроков. Подписан приказ об организации еще трех стройуправлений, автохозяйства, управления механизации. Но на стройке не хватает рабочих рук. Принимаются меры по форсированному направлению к нам рабочих по оргнабору, демобилизованных воинов. ЦК ВЛКСМ совместно с Обкомом Комсомола на днях объявили нашу стройку Всесоюзной – ударной. Формируются три комсомольских отряда. Однако расселять рабочих негде, жилья нет.

Орлов сделал небольшую паузу и затем продолжал:

– Даю Вам срок в два дня, мобилизуйте все, что возможно использовать, как временное жилье, в том числе и этот вагон. Предлагаю каждому управлению взять и построить по жилому дому сверх основного плана.

Присутствующие внимательно слушали. Зазвонил телефон. По его непрерывному, настойчивому зову, было ясно – междугородний. Орлов снял трубку.

– Здравствуйте, Евгений Николаевич! – раздался голос знакомый телефонистки Вали, – с трудом Вас нашла, соединяю с Москвой, говорите...

Звонил Петров. После обычных приветствий, поинтересовался, как новый начальник осваивается, как идут дела?

– Трудностей много, – отвечал Орлов, – очень тяжело с рабочими, не хватает трех тысяч человек, да если они и придут, то их негде селить.

– Знаем, Евгений Николаевич, знаем. Потому решили вам помочь. Немедленно согласуйте место для размещения временного поселка из передвижных домиков. Поселок придет в комплекте с магазином, баней и прочим культ бытом. На завод приказ направлен, отгрузка начнется через несколько дней. Если быстро смонтируете, то разместите полторы тысячи человек.

– Спасибо за заботу, Петр Егорович, – обрадовано бросил Орлов, – принимаю немедленные меры.

– До свидания. Буду звонить.

Начальники управлений расходились с совещания возбужденные и встревоженные.

«Не круто ли берет?» – думали одни про нового начальника.

«Возможно так и надо», – считали другие. Но в одном все сходились: «На стройке наступает новая эра!»

Машина мягко и плавно шла по накатанной дороге. Орлов, вдавив всю тяжесть тела в глубокие подушки сидения, испытывал наслаждение. Вчера немного бил правый задний амортизатор. Он отругал Николая – шофера и сегодня, ехали как по волнам. Манера Николая вести машину нравилась Орлову. Николай чувствовал дистанцию, с шиком шел на обгон, ездил быстро, но безопасно, словом был классным водителем.

В эти короткие минуты пути, находясь наедине с собой, Орлов мог подумать, оценить свое поведение, наметить ближайшие задачи. Правильно ли поступил он с Киселевым? Отстранить от работы на глазах всех – это крайняя мера. Но время... время, неотвратимо, оно бежит вперед, его ничем не нагонишь и если слишком долго заниматься перевоспитанием таких людей, как Киселев, можно все потерять. С кадрами тяжело, с кадрами руководителей особенно. Ничего, подрастут. Ежедневно прибывают молодые инженеры, опыта конечно мало, зато есть задор, желание работать, проявить себя.

Многие считают, что принимая решение об отстранении своего подчиненного, руководитель не переживает. Это наверно. Каждый раз, когда ему приходится идти на такой крайний шаг, решение приходит мгновенно, оно накапливается постепенно, проходит серию раздумий. Руководитель ставит себя на место этого человека, предполагает, как бы с ним поступи ли другие.

Так думал и Орлов

– Имеет ли он право? Да, имеет. Что расчувствовался? Нет, слишком большая ответственность за порученное дело, а интересы дела превыше всего. Чувствительность? Её надо оставить там... дома.

– Прошло несколько месяцев, как быстро они пролетели. Еще рано делать выводы, но ниточка, за которую можно вытянуть стержень, а там и главное звено цепи, начинает прощупываться. Хотелось быстрее положить руку на пульт и чувствовать движения своих пальцев, отражающихся на конкретных делах. А пока он, парализованный человек. Он знает, как пошевелить ногой и рукой, как повернуть ее вправо или подать вверх. Но не ощущает ее, не может

выполнить команду. Так ли уж не может? Да, может, конечно! И эти возможности будут возрастать с каждым днем.

Он понимал это прекрасно.

– Люди... Все зависит от людей, Изучил ли он их? Многих, пожалуй, большинство, уже да. Разные, по своему характеру и способностям, знаниям и опыту. А раз знает:

– То направляй! Управляй! Заставляй! —

Обогнав группу машин, груженных кирпичом, свернули вправо.

«Главная контора», как ее тут называли, размещалась в длинном одноэтажном щитовом бараке.

Месяц назад сюда пришли штукатуры, маляры, плотники. Подмазали и подкрасили стены, подогнали столярку, настлали линолеум в шашечку под «паркет», и хотя стало светлей и просторней, барак остался баракком.

В управлении Орлов сразу же пригласил диспетчера. Главный диспетчер – Туганов Савелий Семенович с пачкой бумаг и сводок появился в двери и, осторожно вкрадчивой походкой, прошел к столу и сел на краешек стула, вопросительно глядя на начальника.

– Доложите обстановку, – приказал Орлов.

Туганов начал рыться в бумажках, перекладывая одну за другой. Он явно не мог найти того, что искал. По выражению его лица, дрожащим рукам было ясно, что обстановку он знал плохо.

– Значит так, – начал он, – бетона за сутки уложили 420, кирпича завезли пятьдесят четыре тысячи, кладка... данных нет, машин вышло на линию двести семьдесят, сборный железобетон...

– Пойдите Савелий Семенович, – перебил Орлов, – давайте вместе, я задаю вопрос, а Вы отвечаете. Какое выполнение за сутки в целом и по отдельным управлениям? —

Диспетчер еще раз перебрал несколько бумажек и молча, посмотрел на Орлова, словно ученик, не выучивший урок.

Он всегда робел перед начальством, а в этот раз тем более, так как чувствовал себя виновным, но не знал, за что и это полностью парализовало его волю. Единственное, о чем он думал в эту минуту: «Как бы быстрее уйти».

– Та-ак, – утвердительно произнес Орлов, – ну, а какой план? Тоже – не знаете? Плохо. Ну, а что мы должны ежесуточно выполнять по физ. объемам? Ну, скажем: бетон монолитный, кирпичная кладка, монтаж сборного бетона, земляные работы и так далее?

Туганов еще больше смутился:

– Так ведь, Евгений Николаевич, ну откуда мне знать? Я обращался к Пронину. Обращался в плановый, но они пока мне ничего не дали. Да и сводки из СМУ просто выдираем. Сообщают неверно, с большим опозданием.

– Как же Вы собираетесь оперативно руководить стройкой? Чем Вы вообще занимаетесь, товарищ Туганов? – возмутился Орлов, вызвал секретаря и сказал:

– Пригласите начальника производственного отдела Пронина.

Через некоторое время появился Пронин, на ходу поправляя съехавший галстук и застегивая пиджак. Он еще не переключился от прежних занятий. Бесцветное лицо, глаза, глубоко сидящие под густыми бровями, выражали недоумение, словно он собирался спросить: «Что это Вы отрываете меня от важных дел?».

– Лукьян Федорович, почему диспетчерская служба не знает график работ? Я Вам поручал вместе с главным распределить план, ввести суточные задания, наладить учет. Туганов совершенно не разбирается в вопросах.

– Так ведь, Евгений Николаевич! Прежде у нас было принято так: диспетчера больше занимались транспортом, поэтому они обычно подчинялись заму по общим вопросам, а я

в ведомстве главного инженера, – ответил Пронин, покосившись в сторону, и сел напротив диспетчера.

Орлов встал, крайне недовольный, прошелся, заложив руки за спину, снова сел.

– Ну, и дела. Вы еще оказывается, не убеждены в том, что нужно выполнять приказы?

Правильно я вас понял, Пронин?

– Так ведь, я...

– Подчиняюсь главному инженеру, – добавил за него Орлов. – Что ж пригласите его.

Сапожников Семен Константинович приехал на стройку раньше Орлова примерно на полгода. Грамотный инженер, уже в возрасте, он долго отказывался, но получив окончательное назначение, будучи человеком порядочным и пунктуальным службистом, подчинился, переехал и сразу же головой ушел в дела.

Работал он много, почти сутками. За это время приобрел к себе большое уважение. Многие проблемы прежде неясные с его приходом стали на свои места.

– Здравствуй, Евгений Николаевич, – с порога пробурчал Сапожников проглатывая «р» и «л», – мы тут с производственным отделом рассматриваем документацию газодифракционирующей установки, первого нашего пускового объекта, ты его скоро отпустишь?

– Садитесь, садитесь, Семен Константинович, поговорим, – сказал Орлов, протягивая руку.

Сапожников осмотрелся, нашел пепельницу на столе для заседаний и задев ногою край стола, так что тот сдвинулся с места, грузно плюхнулся в кресло. Вынул пачку сигарет, закурил, глубоко затянулся, затем положил сигарету в пепельницу и стал рассматривать голубую струйку, медленно поднимающуюся от сигареты.

– Я просил доложить сводку за сутки, – раздраженно произнес Орлов, – но ничего разумительного ни Туганов, ни Пронин мне не сообщили. Мы договорились, Семен Константинович, что этот вопрос Вы возьмете на себя, доработаете, установите определенную систему, наведете порядок.

Орлов откинулся на спинку кресла и продолжал.

– Время идет, а необходимой информации я не получаю, я не могу так работать. В чем дело?

Сапожников затушил сигарету, встал из-за стола, подошел к Орлову.

– Постой, Евгений Николаевич! Да действительно ты просил меня подготовить этот вопрос, но прежде чем начать его практическое воплощение, я должен был его обговорить.

Семен Константинович был человеком пунктуальным и, когда его обвиняли в какой-либо неаккуратности, очень волновался и переживал. На лбу выступила испарина, в такт словам своего объяснения он начал резко жестикулировать обеими руками.

– Я специально притормозил этот вопрос, так как считаю введение ежедневного учета делом преждевременным и ненужным! Вполне достаточно оперативки, которую мы проводим раз в декаду. Для чего же тогда начальники управлений?! Пусть они сами следят за выполнением. У нас все же функции треста. Да это и не завод, это – стройка, тут невозможно знать выполнение, нам процентовки закрывают по законченному объему. Другое дело распределить бетон, кирпич и другие материалы на сутки, тут я согласен, это нужно.

В необходимости введения ежедневного учета Орлов был убежден и не ожидал, что это встретит такое сопротивление со стороны главного инженера.

– Да, перестань ты махать руками, садись, – сказал Орлов примирительным тоном, перейдя на «ты». Тот сел, достал новую сигарету, но никак не мог прикурить, спички ломались.

– У нас конечно не завод, Семен Константинович! На заводе в стационарных цехах на постоянно установленном оборудовании и автоматических линиях двигаются детали, обрастая и увеличиваясь, в конце концов, выкатываются из ворот в новом качестве – готовых изделий: машин, механизмов. Здесь же обратная картина, предметы нашего труда – цеха, жилые

дома, стоят на месте, а мы со своими механизмами и техникой, как муравьи, двигаемся, везем и тащим к ним материалы, и оставляем уже после себя законченную продукцию, а затем переходим в другое место. Но, скажи, разве мы имеем право в связи с этим на разгильдяйство, прости, несогласованность в своих действиях? Какая разница между нами и заводом? На заводе материалы и детали ежедневно подаются в определенное место в определенных количествах. Мы же обязаны ежедневно подавать разные детали и разные материалы в разные места. Нам сложнее! Так почему же, если нам сложнее, у нас должен быть беспорядок! И мы не должны знать, что ежедневно происходит и творится на стройке? Должны! И обязательно должны знать.

Орлов вышел из-за письменного стола, взял стул, сел рядом с главным инженером:

– Я хочу, чтобы Вы поняли это. С ростом наших объемов мы не имеем права терять ни одной минуты, а мы не знаем дел за сутки? Я уверен, что этого не знают и начальники управлений, так как мы не спрашиваем с них.

– Недавно мы вместе с Вами детально рассмотрели месячный план. Определили каждому ресурсы. Сделан шаг вперед, но этого еще очень мало. Необходимо четко определить тематику каждого месяца. Исходя из этой тематики, знать, что и когда, в какие сроки должно быть закончено. Только для достижения этих целей мы можем выдать материалы, конструкции, необходимый транспорт и механизмы. И во всей этой сложной цепочке дел, направленных на выполнение конкретных целей, наряду с правильным планированием, соседнее место занимает – контроль над исполнением, а контроль – это есть учет того, что сделано.

Пойми, Семен Константинович, если мы будем ежедневно учинять спрос за выполнение намеченных планов, то такой же спрос будут учинять начальники строительных управлений со своих исполнителей, а те соответственно организовывать исполнение.

Сапожников несколько отошел от натянутости первых минут, в облике его появилась теплота, желание пойти навстречу.

– В общем ведь я не против учета, – одним дыханием произнес он, – пойми меня правильно, Евгений Николаевич. Я боюсь, что ежесуточный контроль оставит слишком мало времени начальнику стройуправления на исполнение полученных заданий. Мы свяжем его самостоятельность. А руководитель, потерявший самостоятельность и инициативу, превращается в бездумного исполнителя, и ждет указаний сверху. Вот чего я боюсь. Я работал начальником стройуправления и берег свою самостоятельность, как зеницу ока.

Орлов мягко стукнул ладонью по столу, встал:

– Ты тут ошибаешься, главный инженер! Я не собираюсь отнимать инициативу и тем более водить за руку ни одного из начальников управлений, но знать, что ежедневно должно быть сделано и, что фактически сделано, я обязан! Обязан для того, чтобы спросить или помочь! В этом вопросе я буду непреклонен. Прошу Вас, кончайте дела с Прониным, и немедленно садитесь, расписывайте план, суточные объемы. Подготовьте приказ о введении ежесуточного диспетчерского часа, о передаче необходимой информации. Если требуется, усильте диспетчерскую службу. Разберитесь в вопросах связи, надо вводить радиотелефонную, подобрать хорошего специалиста для решения этой задачи. Как только будут наметки по всем вопросам, приходите, вместе доработаем.

Поняв, что это уже приказ и, что все рассуждения закончены, Сапожников встал и с видом человека, которому наступили на большую мозоль, направился в свой кабинет.

– Пойдемте, – на ходу бросил он начальнику производственного отдела к диспетчеру, оказавшихся невольными свидетелями спора двух первых лиц.

– Та – та – та – ух! Та – та – та – ух! – гремела и содрогалась бетономешалка старого бетонного завода.

– Вззи – и... вззи – и... бум! – на более высоких тонах, подпевала ей вторая.

Каждые две минуты, пережевывая смесь цемента со щебнем и песком и запивая их водой, они попеременно выплевывали темную, серую жижу бетона. А самосвалы, как прожорливые

птенцы, подставляли и подставляли свои открытые клювы – кузова, требуя новой и новой пищи.

Отрыгнув очередную порцию бетона и запев свое «вззи – и», вторая прокричала своей подруге:

– Я устала, меня крутят непрерывно, а когда смесь застревает в моем горле, меня бьют по козуху двадцатикилограммовой кувалдой, мне больно, я больше не могу! Я остановлюсь! Прошу тебя...

Но в это время очередная порция щебня влетела в ее зев, и она захлебнулась, так и не договорив своей просьбы.

Серые, пропитанные цементной пылью люди метались с отметки на отметку, что-то орало в переговорные трубы, стучали по ним молотками, снова орало, затем дергали за рычажки. Пневматические цилиндры, произнося свое солидное: «П – ш – ш – и», – закрывали или открывали шибер, а стрелка циферблата весового дозатора медленно плыла до необходимого деления, показывая загрузку очередной вес.

Механизмы некогда было останавливать на ремонт, они работали на износ. А по телефонным проводам, через эфир, по радио, во встречах и на оперативках, неслись одни и те же крылатые слова: «Бетон! «Дайте бетон!», «Нет бетона!», «Когда же будет бетон!». Как будто на свете исчезли все другие слова. Бетон воплощал в себе все потребности, бетон заменял собой все.

Старый бетонный завод работал в три смены, без выходных. «Старым» его называли потому, что на промплощадке строили новый, более мощный и современный. А пока что до пуска нового, он нес на своих плечах всю тяжесть обеспечения разворота работ. Ему помогали два небольших передвижных.

Поручив контролировать строительство нового бетонного завода главному инженеру, Орлов, все же через день наезжал сюда сам. Только здесь можно было отвлечься от бесконечных воплей и требований. Прибавить хотя бы двадцать кубов, добавить хотя бы одну машину бетона. Разбирательств, разгонов начальнику бетонного за срывы поставок.

Здесь намечались контуры недалекого будущего, когда новый завод заработает на все свои четыре секции.

Для того, чтобы приблизить это будущее, пришлось отдать строительство «бетонного» лучшему управлению Брагина, посадить прорабом главного инженера, самому знать все, что делается на этой площадке ежечасно.

За прошедшие два дня работы стройка значительно подвинулась вперед, и опытный глаз говорил, что делать ему тут нечего, что здесь справятся без него, но уезжать не хотелось. Орлов стоял в стороне, внимательно уже в который раз всматривалось в очертания будущих строений.

Медленно, с чувством собственного достоинства, плыла вверх, зачальная за как монтажного крана, последняя секция наклонной галереи. Цементные силоса – тысячники, обстраивались площадками, переходными мостиками, обвязывались пневматическими системами. В главной башне, полным ходом, шел монтаж оборудования. Эстакада разгрузки щебня, способная принять целый железнодорожный эшелон в час, была почти готова.

А сколько было споров: каким строить новый завод? Проектировщики запроектировали его каким-то убудочным, недоразвитым. Орлов поддержал главного инженера, взял ответственность на себя; изменения в чертежи внесли прямо на месте; и вот теперь, ну еще два месяца, они будут иметь мощность, способную с избытком удовлетворить стройку на несколько лет вперед.

Орлову нравилось, как ведет дело Брагин. Назначая его на управление, он не мог точно знать, сколь достойной окажется эта кандидатура. Теперь Орлов чувствовал удовлетворение от того, что не ошибся. Брагин влился в коллектив, стал его душой.

На третий день после отстранения Киселева, вечером к Орлову зашел секретарь парткома – Мурасов. Накануне он приехал из области, за делами так и не встретились.

Орлов только-только успокоился от впечатлений прошедшего дня, разбирал накопившуюся «почту».

А – а, Герман Леонидович! – приветствовал он, секретаря парткома закрывая папку.

– Заходи, заходи гостем будешь. Ты куда-то уезжал? Позвонил бы, проинформировал, а то ведь взял и просто исчез.

Мурасов, шел к столу с достоинством улыбаясь.

На стройку он приехал по рекомендации Обкома, где работал последнее время инструктором, это придавало ему дополнительную важность. Жизнь представлялась прямой дорогой с четко расставленными знаками, оставалось лишь неукоснительно выполнять правила и двигаться вперед. Этому была причина. Как активист и общественник, Мурасов, после института сразу попал на комсомольскую работу. Проявив себя резкостью постановки вопросов, был направлен в город областного подчинения Краснодарск. Комсомольская организация Краснодарска была боевой и инициативной. Постепенно выработалась привычка командовать. Были и стычки на этой почве, но как молодому и задиристому, прощали, считая – наберется опыта, поостынет. В отделе Обкома часто бывали различные руководители, они приходили с просьбами, либо по вызову для отчета. Директора крупных заводов, управляющие трестами, были как бы на равных с рядовым инструктором. Через инструкторов перед ними ставили различные задачи, требовали решения многих вопросов. Все это создало несколько искаженное понятие о роли хозяйственного руководителя, упрощало сложность его работы.

На стройку попросился сам. Просьбу удовлетворили. Примеры, когда секретари парткомов ходили в подчинении у руководителей хозяйств, ему были известны. Мурасов был человеком честолюбивым, он знал, что его поддержат на верху, и поэтому решил, ни в коем случае не попасть под влияние, быть независимым, проводить самостоятельную политику. Случая все не представлялось, и вот, наконец.

– Не позвонил и не проинформировал, Евгений Николаевич, – небрежно, а затем уже с более твердыми нотками, бросил Мурасов, – потому что не нахожусь у тебя в подчинении и зарплату получаю в другом месте.

Орлов удивленно посмотрел на секретаря, все его радушное настроение мгновенно исчезло. Однако конфликтовать с парторгом и ругаться не хотелось, он понимал важность поддержания контактов и единства во взглядах, но все же, чтобы как-то отпарировать, ответил:

– Это верно. Но и я не в твоём подчинении, и зарплату тоже получаю не у тебя, так что ... – и протянул руку для пожатия.

Мурасов сел и нехотя начал рассказывать: – Оформляем перевод парткома на права райкома, учитывая важность стройки, перспективы роста организации, решение по этому вопросу будет принято в ближайшие дни.

– Но это чисто партийный вопрос, – продолжал Мурасов, тем самым как бы проводя границу между делами партийными и хозяйственными.

– Это как же понимать? – возмутился Орлов. – А я, что, по-твоему, не на ответственной партийной работе? Нет, ты глубоко заблуждаешься, для меня эти вопросы также чрезвычайно важны!

– Но я собственно, зашел ни по этому делу тут мы сами разберемся вместе с Горкомом, – сказал Мурасов, давая тем понять, что в эту специфическую область он не позволит вмешиваться хозяйственнику.

Мурасов, немного помолчал, затем вдруг спохватился и громко произнес:

– Я возмущен до глубины души тем, как обращаются с честными коммунистами!

Орлов насторожился:

– О ком речь?

– Как о ком? О Киселеве! Как будто бы ты не знаешь? Человек говорит правду, требует ликвидировать недостатки, выполнять те обязательства, которые перед ним брали. И это вызывает недовольство, и его отстраняют от руководства управлением! Я ведь знаю, сколько материалов было положено ему в этом месяце. А что он фактически имел? Я вынужден вмешаться в это дело.

Кровь ударила Орлову в голову, он ожидал чего угодно, но только не этого разговора:

– Да что Вы знаете? Откуда?

Хотелось закричать ему. Между тем секретарь парткома был глубоко убежден, что борется за справедливость. Киселев часто бывал в парткоме: жаловался на неурядицы, со всей казалась принципиальностью, обрушивался на недостатки, особенно в работе аппарата, критиковал замов Орлова, главного инженера, звонил Мурасову по телефону, просил помочь, протолкнуть тот или иной вопрос. Мурасов вмешивался, давил авторитетом парткома, и это давление имело результаты, просьбы Киселева выполнялись. В то же время, те поручения, которые давал партком Киселеву, выполнялись немедленно, он сам лично докладывал об этом.

Между ними установился контакт: Мурасов в общении с Киселевым нашел путь, по которому он думал, что войдет в производственные заботы, узнает стройку и будет независимо влиять на ее дела. И вот, приехав, он узнает, что Киселева, этого принципиального коммуниста, отстранили, что он без работы, а на его место назначен какой-то Брагин, недавно приехавший в город.

Мурасов считал, что вот он тот самый момент, когда за критику, за правду расправляются, и его святая обязанность отстоять, защитить, проявить принципиальность и добиться отмены решения.

– Я буду настаивать, – Мурасов поднялся, – пересмотреть это решение, как принятое поспешно и необдуманно!

Орлов тоже вскочил, когда он волновался, то переходил на «Вы», стремясь тем самым придать больше твердости своим словам:

– Вы еще новичок на стройке, но в людях Вам пора бы давно научиться разбираться, товарищ Мурасов! И вообще, что это за новые порядки? Секретарь парткома начал проводить свою «особую» линию, решает, видите ли, отдельные вопросы, помогает начальнику стройуправления, который вконец заврался. Где Вы были, когда я более месяца находился в его СМУ?

– Мне поручено руководить строительством, и я буду проводить те решения, которые считаю необходимыми! А Вы! Мобилизуйте коллектив, на выполнение этих решений, помогите мне, а не вставляйте палки в колеса. Ничего я пересматривать не буду! Киселев отстранен от руководства за срыв важнейших тематических задач. Приказ мною подписан.

Мурасов чувствовал, что возмущение и волнение, с которыми почти выкрикивал свои слова Орлов, имело под собой какую-то почву, что сам он, действительно, еще не знал фактической обстановки. Необходимо было что-то ответить. Повернуться и уйти, означало признать себя побежденным.

– Возможно, Киселев вел себя недостойно руководителю, – уверенно произнес он, – в чем я, как секретарь парткома, сомневаюсь, но подбор и расстановка кадров – вопрос, прежде всего партийный. – Мурасов сел, показывая тем самым, что хотел бы продолжать разговор в более спокойных тонах. Руководителя – коммуниста освобождают от работы, не обсудив на партийном комитете, не дав партийной оценки его поведения – это вопрос принципиальный. Затем назначается другой – Брагин, кто его знает? И это опять делается без согласования с партийным комитетом.

– Дать партийную принципиальную оценку не поздно и сегодня.

– Поймите, Герман Леонидович, у нас слишком мало времени, особенно сейчас, когда необходимо быстро настроить коллектив на решение сложных задач. А поэтому секретарю парткома нужно работать совместно, согласованно с администрацией, тогда не будет подобных

ситуаций. Впредь согласен. Прежде чем принимать какое-либо решение руководителей – коммунистов будем заслушивать на парткоме. Что касается Брагина – я назначил, а вы через месяц организуйте утверждение. Посмотрим, как будет работать. Теперь хочу поговорить о делах, которые стоят на повестке дня.

Орлов подробно начал рассказывать о принятых решениях, о необходимости расширить фронт работ.

Мурасов слушал. Многое, о чем говорил Орлов, проходило мимо, не задерживаясь в его памяти. Он сидел и ликовал:

– Хоть небольшая, но победа! Орлов признал необходимым считаться с ним! Это главное, а дела и заботы пусть останутся у начальника, – вот что его занимало в данную минуту.

Когда Орлов закончил Мурасов спросил.

– Ну, а как же с Киселевым?.

– Думаю, что он получил достаточный урок, – ответил Орлов.

– Я не возражаю, пусть пока поработает начальником монтажного отдела. Возьмем его к себе поближе, в центральный аппарат, а там будет видно. Проявит себя на новой работе возможно, и вновь вернем на производство.

Впоследствии, Орлов всегда стремился втянуть Мурасова в производственную жизнь, приглашал его на все совещания, но контакт почему-то так и не налаживался.

В правом крыле большого лабораторного корпуса временно расположилась дирекция будущего комбината. В больших лабораторных комнатах, рядом с не распакованной мебелью, прямо на полу лежали кучи технической документации, папки, пишущие машинки. По широким коридорам сновали девушки, парни в куртках спортивного покроя, стройные молодые люди при галстуках в отутюженных костюмах.

Комбинат был пока еще в схемах и чертежах, но здесь в первом помещении его штаба, с первых его шагов, начал зарождаться заводской порядок. На дверях прибивались таблички названий отделов и будущих цехов, красивые урны на длинных ножках расставлялись вдоль коридора.

Здание постепенно наполнялось особыми людьми. Особенность этих людей заключалась в том, что это были люди – будущего. Они двигались, разговаривали, выполняли свои обыденные дела в настоящем времени, а жили в будущем. И эта двухмерность наполняла их сердца особыми чувствами, наделяла их действия необычными качествам и, вселяла в их разум какое-то неестественное состояние. Начальник будущего цеха, поднимаясь по обычной лестнице на второй этаж, в своем воображении шел по площадке тридцатиметровой отметки ректификационных колонн. Мастеру контрольно-измерительных приборов, казалось, что ручные часы окружающих его людей как в мультфильме, покидают своих хозяев и сливаются в единый пульт управления химических аппаратов. И ежедневно на территории вырубленного леса, вставал перед ними пока еще призрачный будущий химический комбинат.

В нескольких комнатах второго этажа уже шла обычная деловая жизнь. Там разместились директор, его заместители, производственный отдел и другие службы.

В приемной то и дело звонили междугородние телефоны, беспрерывно входили и выходили различные люди. Масштабы деятельности ежедневно расширялись. Центр тяжести по координации стратегических вопросов создания комбината находился здесь.

Заместитель директора Богданов с большой группой корреспондентов областных газет расположился в кабинете директора, так как его собственный кабинет еще не был закончен отделкой. Готовился очередной номер областной газеты, целиком посвященный Нижнереченску и его людям. На торцевой стене висел огромный аксонометрический план комбината. Столбцы цифр и диаграмм показывали его величину и сроки ввода отдельных производств.

Богданов рассказав все о комбинате, перешел на перспективы развития и строительства нового города. Перед ним лежал на столе генеральный план, и корреспонденты внимательно рассматривали проспекты и улицы будущего города.

– Вот с этого места мы начинаем строительство города, – сказал Богданов, уперев кончик длинной указки в пересечение двух бульваров. Затем он обвел несколько квадратов, с радикально исходящими от них линиями – улицами, и продолжал:

– это центральная часть, а здесь строятся наши первые жилые дома. Как видите, мы стремимся обеспечить первостроителям жилье рядом с будущим центром.

– Главное, что будет характерным для нашего города – это отсутствие окраин, бараков! Мы твердо решили не допускать строительства временок. Помимо того, что решается крупная социальная проблема, это значительно дешевле и экономичней.

После того, как корреспонденты ушли, Богданов сел за директорский стол и начал рассматривать деловые бумаги. С различных бланков неслись требования: «Заклучить договор!» «Выслать представителей!» «Согласовать вопрос!».

Зазвонил прямой внутренний телефон. Сняв трубку, Богданов сразу узнал громкий, уже охрипший к концу дня, голос Орлова.

– Василий Павлович! – Кричал в трубку Орлов – ну почему такое отношение к строителям? Вместо оказания помощи, вечные препятствия! Я что строю для себя?

Богданов прервал Орлова, объяснив, что Василия Павловича нет, что он в Москве, будет послезавтра, но он – Богданов, готов решать все вопросы. Тогда Орлов обрушился на него. Он требовал немедленно согласовать привязку временного поселка, обвинял в чем-то работников УКСа комбината, ругался, кричал. Казалось, что трубка вот-вот вырвется из рук ошеломленного Богданова и за счет реактивной струи выскакивающих звуков улетит. Постепенно Богданов и сам перешел на повышенные тона, а затем и на крик. Наоравшись вдоволь, и толком не поняв друг друга, они замолчали.

Наконец, Богданов спросил:

– Евгений Николаевич, прошу Вас, объясните мне спокойно, что необходимо решать?

– Я не могу спокойно разговаривать на эту тему! – Опять завелся Орлов. – Мои работники вторую неделю не могут согласовать место для временного поселка. Мне негде селить людей!

Богданов, наконец-то понял о чем речь, и хотя всегда стремился решать положительно вопросы, связанные со строителями, здесь был непреклонен.

– С этим я согласиться не могу! Я категорически против! – Ответил он и начал объяснять, что город строится не на один год, что необходимо форсировать строительство постоянных жилых домов.

Разговор не состоялся. Орлов так и не выговорившись до конца, бросил трубку.

Все дни последней недели были заполнены решением одной проблемы: Размещение приезжающих на стройку людей. Уже были забиты, все общежития, конторы, вагончики.

Горком обязал директоров ближайших совхозов, председателей колхозов селить приезжающих на квартиры в деревнях. На перевозку рабочих привлекли дополнительные автобусы, специально оборудовали автомашины. Но этого было явно недостаточно.

Поездка по деревням, которую Орлов на днях совершил, не дала ожидаемых результатов. Председатели ближних колхозов, куда размещали людей, подошли к задаче с пониманием, откликнулись на просьбу хорошо, но брали людей столько, сколько можно было расселить. Орлов же стремился разместить в каждой деревне как можно больше. Председатели упирались. Он применял в переговорах все свое дипломатическое искусство: обещал помогать строительными материалами, тракторами, автотранспортом, кое-где давил своим авторитетом. Но они упорно сопротивлялись и лишь для приличия шли навстречу богатому соседу, уступали, но скупно.

Пришлось принять решение – размещать в дальних. Возвращаясь, уставший и неудовлетворенный, Орлов клевал носом на переднем сидении ГАЗ-69. Было темно, узкая полоска дороги, выхватываемая светом фар, то шла вверх после крутого поворота, то плавно текла по равнине.

– Сосновка! – объявил заместитель начальника строительства из темноты заднего сидения. – Здесь у нас пятьдесят механизаторов на постое.

Дома выступали темными силуэтами, лишь крайняя справа изба за палисадником, ярко светилась занавешенными окнами. Истратив все время на председателей, посмотреть, как разместились строители, не пришлось, и Орлов велел притормозить. Калитка оказалась открытой. По небольшому двору прошли к дому.

Изнутри доносились звуки гитары, гул голосов. Тщательно вытерев ноги о половик у крыльца, Орлов первым открыл дверь. Большая электрическая лампа, низко свисавшая с потолка, окуталась сизой табачной дымкой. Трое сидели у стола, на котором в беспорядке недопитые бутылки, нарезанный хлеб, соленые огурцы, кислая капуста ... Четвертый – чернявый в полосатом тельнике сидел поодаль, склонившись над гитарой, и вяло перебирал струны.

Появление незваных гостей вначале несколько смутило. Но затем, узнав, кто приехал, люди оживились, стали приглашать к столу, разговорились. Все работали механизаторами.

Из разговора Орлов понял, что временное проживание в деревне люди восприняли терпеливо, надеясь пробыть здесь не более месяца. Но чем подробнее он вникал в их быт, тем мрачнее становилось его лицо.

На работу выезжали в четыре утра. Дорога была плохая, автобусы буксовали, преодолевая ползком тридцатикилометровое расстояние за полтора, два часа. Еще хуже было с питанием: купить что-либо в такое время, а приезжали тоже поздно, было негде, обходились куском хлеба, привезенным из города. Постельное белье получили в одном комплекте, его давно не меняли, а дали бы два, можно было отдать постирать хозяйке.

Чернявый с гитарой сидел молча, но к концу разговора встал и представился:

– Сашка, я, Пятаков – скреперист, позвольте мне. И улыбнулся, показав блестящую золотую фикса на верхнем ряде зубов.

– Я в общем не возражаю жить в деревне, природа так сказать, молочко парное иногда, а там глядишь, и доярочку хорошенькую встретишь. Но мне нужно не это! Мне необходимо пораньше встать, прогреть машину, заправить, а затем дать на ней выработку. После смены, опять же просмотреть, подтянуть. А я? Быстрее к автобусу! На мой взгляд, механизаторов надо перевести в город.

– И вообще, почему так получилось? – Раздался из глубины голос пожилого мужчины, которого Орлов сразу не заметил. Приглашали, писали, что будут благоустроенные общежития, а на деле что? Я человек семейный и думаю, уезжать надо. Пусть начальство вначале побеспокоится о рабочем человеке, а потом и приглашает с призывами.

До города Орлов со своим замом ехали, молча, каждый углубился в свои мысли. Впечатления от встреч с механизаторами расстроили Орлова. Слова пожилого рабочего как острым ножом врезались в память.

– Надо немедленно ставить жилой поселок!

Рабочие прибывали каждый день. Известие о большой стройке облетело всю страну, остановить поток добровольцев, приглашенных, и направляемых на стройку людей было невозможно. Нарастить коллектив, увеличить его численность – главная задача.

– Теперь, когда этот процесс бурно развивается, остановить его – смерти подобно! – думал Орлов.

Сегодня, когда, наконец, закончили проект привязки временного поселка, Орлов обрадовался. Но узнав, что начальник техотдела до сих пор не согласовал со службой капитального строительства комбината место его привязки и, что в связи с этим приступить к строительству

еще нельзя, готов был уничтожить своего нерасторопного подчиненного. Он кричал, стучал по столу кулаком, рвал и метал. Возбужденный он позвонил директору комбината, но попал на его заместителя Богданова, с которым и произошел неприятный разговор.

Теперь, когда Орлов получил отказ и когда понял, что шумом и криком тут не возьмешь, он сидел и внимательно осматривал присутствующих в кабинете, обдумывал, что делать?

«Дать команду начинать строить без согласований? Это в моих силах и власти, но отношения и так обострены, а мне еще необходимо получить добро от директора на заселение всех строящихся для комбината жилых домов. Нет, так поступать нельзя! Необходимо добиться согласования».

Немного посидев молча, Орлов поднял трубку прямого междугороднего и попросил соединить с Обкомом. Ожидая связи Орлов, представил Трофимова, так у себя в кабинете. За время своей работы, он проникся уважением к этому человеку. Несмотря на свою огромную загрузку, всегда находил время разобраться в делах, пойти навстречу, помочь, защитить стройку в московских инстанциях. У Орлова его интересовало буквально все: от настроения людей, до количества уложенного бетона. Трофимов прошел большой жизненный путь от рабочего до директора крупного предприятия и с этой работы был выдвинут секретарем Обкома. Он тонко понимал заботы производства, на ходу улавливал самые сложные вопросы, моментально реагировал на изменение ситуации. Люди тянулись к нему, и у него для всех находилось доброе слово, нужный совет.

Ведая промышленностью области, равной по своим масштабам таким государствам как Финляндия или Австрия, он болел за стройку, жил ее интересами.

Наконец, Орлова соединили.

– Леонид Михайлович, здравствуйте, докладывает Орлов! – и он даже несколько пристал, а затем разговаривал уже стоя.

– А, партизан, здравствуй! Трофимов прозвал Орлова партизаном после того, как тот снял всех людей со строительства комбината, на строительство жилья ни с кем не согласовав и никому не сообщив об этом.

– Как у Вас дела с продуктами? Я вчера вызывал всех высших представителей торговли. Обещали улучшить, жалуются, правда, на то, что очень быстро растешь. Не успевают за твоими темпами. Ты им помогай, особенно транспортом. Форсируйте строительство пунктов питания на объектах. Скоро заслушаем Вас насчет рабочих столовых.

Заботы по организации питания и торговли тоже входили в функции начальника строительства. ОРС совсем недавно просил Орлова помочь через Обком и вот, спасибо, Трофимов уже отреагировал.

– Благодарим, Леонид Михайлович, мы уже почувствовали. Что поделаешь, растем не по дням, а по часам, за месяц прибавили на две тысячи человек. Помогать обязательно буду, ненакормленный строитель или монтажник – это не боец на нашем строительном фронте.

– Доложите, пожалуйста, сколько сделали за последние три дня?

Орлов знал, что сводка лежит у Трофимова перед глазами, ее ежедневно передавали в отдел строительства Обкома. Но Трофимов любил, чтобы знал цифры руководитель и умел ими оперировать, и был всегда недоволен, если слышал сбивчивый доклад и чувствовал за этим незнание дела.

Орлов был спокоен, ему ничего не грозило. После объяснения с главным инженером, система ежедневного учета постепенно внедрялась в жизнь. Теперь он имел перед глазами четкую сводку и мог передать ее в любую инстанцию.

Он доложил Трофимову: Кривая выполнения упорно и непрерывно лезла вверх. Однако до плановых показателей несколько не дотягивали.

– Не хватает людей Леонид Михайлович, – объяснил Орлов, – Прибывают ежедневно, тяжело с размещением, возим до тридцати километров, использовали все ближайшие деревни.

Сейчас придется размещать и за пятьдесят, но это не выход, необходимо немедленно ставить поселок, который я получил!

– Так зачем дело? – спросил Трофимов.

– Химики не согласовывают. – Орлов рассказал о тех осложнениях, которые у него возникли.

Трофимов внимательно слушал и затем сказал:

– А что, возможно они правы, мы строим с тобой город будущего и размещать поселок в городе негоже. Что нам скажут люди через некоторое время? Но строить надо!

– Где Василий? – Так он по имени называл директора будущего комбината.

– Приедет послезавтра.

– Тогда я тоже прилечу. На месте и решим. Ясно? Всего доброго!

Через два дня обошли все строящиеся объекты.

Николаев – директор комбината вел себя невозмутимо. Указывая на те, либо иные недочеты на стройке, он говорил об этом как бы с пониманием положения Орлова. Николаев был хорошо информирован, называл цифры, проценты. Делал это он в тот момент, когда Орлов начинал рассказывать о сдвигах в лучшую сторону, а на деле, после замечаний Николаева, получалось, что сдвиги сдвигами, а план по этому, или тому объекту не выполняется.

Орлов напротив, вел себя все время задиристо, шумел, возмущался. Эта своеобразная дуэль между директором и начальником строительства началась с первых дней появления на стройке Орлова. И почти всегда Николаев выигрывал ее, используя спокойные, но более веские доказательства.

После комбината, осмотрели место, где предполагали построить временный поселок и затем собрались в кабинете у Николаева. За всем внешним спокойствием чувствовалось напряженная, натянутая обстановка.

Трофимов сел в кресло, в углу кабинета, остальные разместились за длинным столом.

– Как по Москве гулял Василий? Рассказывай. – Шутя, бросил Трофимов, стремясь разбавить гнетущее молчание.

– Заслушаем директора, – предложил он.

Николаев встал и начал спокойно, методично излагать свою позицию, подкрепляя наступление на Орлова цифровой аргументацией.

– План по химии срывается. Людей сняли. В Москве требуют выполнения постановления, а стройка еще не набрала необходимых темпов. Я понимаю, что у строителей еще много трудностей, но решения вышестоящих органов обязательны для всех.

– Хотя Вы и строите, Евгений Николаевич, – обратился он к Орлову, – но не Вам, а нам поручено определять, что строить и, что главное в данной ситуации.

Далее он доказал, что при таких темпах и порядках сроки вводов ставятся под сомнение. Он был прав.

Орлов начал волноваться, прерывал, бросал реплики, когда очередь дошла до него, доложил, показав, что стройка ежедневно набирает темпы.

– Есть большие трудности, – которые мне видны лучше, – страстно говорил он, – поэтому, я форсирую строительство жилья, базы. Новый бетонный вот-вот будет пущен. Главное негде размещать людей и в этом вопросе вместо помощи я встречаю сопротивление заказчика.

Он потребовал передать ему все строящиеся дома, для заселения строителями.

Николаев все также невозмутимо посмотрел на Трофимова, затем на Орлова и своим спокойным ровным голосом сказал:

– У меня тысяча пятьсот двадцать квалифицированных специалистов стажируются на родственных предприятиях. Многие из них обеспечены благоустроенными квартирами по прежнему месту жительства, и имеют не просто жилье, а квартиры на каждую семью. Если

я не обеспечу их квартирами, они вообще не переедут. А без них пуск сложнейшего оборудования немислим. Следовательно, такое решение не позволит пустить комбинат, даже если он будет построен в срок. Так как я отвечаю за конечный результат, то принять предложение многоуважаемого Евгения Николаевича не могу и категорически возражаю против подобных посягательств. Жильем необходимо заниматься своевременно. Тут горлом не возьмешь. Вот Вы, Леонид Михайлович, спросили, как я там гулял по столице? Отвечаю – гулял, исходя все длинные коридоры, был во многих кабинетах. И чем Вы думаете, я там занимался? Решал вопросы выделения средств на строительство жилых домов, детских садов. То же я рекомендую и Евгению Николаевичу, пусть потрясет свое ведомство.

И уже более жестко добавил, обращаясь непосредственно к Орлову:

– На чужой каравай рот не разевай, Евгений Николаевич.

Трофимов спокойно сидел в своем углу, но в середине выступления Николаева встал и подошел к столу заседаний. Дослушав до конца его длинное заявление, он с раздражением произнес:

– Вы, что это так себя ведете товарищи руководители! Вам поручили очень высокие и ответственные посты, а Вы набрасываетесь друг на друга один словно петух, второй жестко и холодно, как удав. Вы оба в равной мере отвечаете за дело и поэтому извольте находить общий язык!

Несколько успокоившись, он подробно разобрал обстановку. Объемы выполняемых работ, действительно, с каждым днем увеличивались и это обстоятельство обнадеживало.

– Ты, что же хочешь, – обратился он к Николаеву, – критиковать?! Разоблачать?! А где помощь?! Где участие твоего коллектива в строительстве? Жилье необходимо всем, но учти, что сегодняшние строители, получившие квартиры, после пуска придут к тебе. Строить необходимо, а людей нет. Следовательно, надо передать готовые дома Орлову, а себе оставить минимум для создания костяка коллектива, – и дальше продолжал.

– Я понимаю Ваше стремление строить город без временного поселка – это правильно. Однако в сегодняшней конкретной обстановке, без поселка нам не обойтись. Место, которое показывали, для поселка находится за городской чертой. Согласуйте его привязку немедленно!

Четкие, конкретные указания секретаря Обкома, прекратили дальнейшие споры, да и Николаев понял, что другого выхода нет. Он согласился на все, но чтобы выдержать характер сказал:

– Я понял. Я согласен удовлетворить просьбы строителей, но требую, чтобы на строительство завода было направлено столько рабочих, сколько необходимо для наверстывания упущенного и выполнения плана! Теперь у Орлова создаются для этого все условия.

Орлов возвращался в свою большую пустую квартиру большей частью поздно вечером. Оставаясь наедине со своими мыслями, он обычно долго не мог заснуть. Мозг, как электронная машина, получив за день чрезмерно много входной информации, не успевал переработать ее. Мысли – вспышками электрических импульсов, появлялись, пронизывая мозг, гасли, вновь возникали, и из общего потока различных восприятий, вырисовывалась картина предстоящих действий.

Руководитель, где бы он ни был: с друзьями, в театре, на природе, наконец, один сам с собой – не может отвлечься от своей работы, от того, что составляет основу его жизни. Голова даже во сне, продолжает работать: сравнивая, сопоставляя. Так подготавливается почва для выдачи в нужный момент окончательно правильного решения. И если со стороны кажется, что это решение принято моментально и даже непродуманно, на деле это не так – оно подготовлено длительными раздумьями, большим накопленным опытом.

Время имеет способность укорачиваться и удлиняться в зависимости от количества событий, происходящих в его четко отмеренные промежутки.

Так Орлову казалось, что прошла целая вечность, хотя на самом- то деле он проработал на новом месте всего ничего. И он чувствовал, что пульс стройки становится все более наполненным, удары более четкими.

Правда иногда, когда казалось все идет хорошо, вдруг происходили досадные срывы, и в только-только отрегулированном механизме слышался визг и скрежет остановившихся поломанных шестерен. Орлов бросался на выручку, «затыкал своим телом образовавшуюся пробоину», принимал меры, ликвидировал прорыв, и затем, с трудом опять пускал стройку в ход.

А они, эти зловещие сбои вновь возникали, и не успевал он ликвидировать один, как следующие уже стояли где-то там за углом, притаившись в ожидании своего череда.

Еще недавно, слово «бетон» бросало всех в нервную дрожь. Новый бетонный завод был пущен в рекордно короткий срок. Теперь стала лихорадить от нехватки цемента. Понеслись телеграммы, команда толкачей срочно разъехалась в разные концы, чтобы ускорить отгрузку этого «хлеба строительства» вдруг сели на голодный паек с кирпичом, каменщики прекратили кладку на жилых домах. Затем появились другие, третьи, четвертые проблемы. И так без конца. Люди, собранные с таким трудом, подчас оказывались без работы, не имея необходимых материалов.

«Снабжение» – этот всемогущественный Молох, как гигантский спрут, висящий над всеми, могло помиловать, а могло и схватить за горло своим жестким бесчувственным щупальцем. Орлов думал вечерами, ночами:

– Для успешной работы необходимы подготовка производства, сбалансированные планы, точный расчет по технической документации, квалифицированная защита ресурсов.

Все это требовало создания мозгового центра стройки, где бы грамотно определялись и подготавливались задачи.

Он понимал, что этот год уже не изменить, что его так на энтузиазме, требованиях, просьбах, выбивании придется кончать. Не за горами следующий год. Необходимо немедленно предпринимать меры по созиданию в работе.

Снабжение явно плелось в хвосте. Пора, заменить «снабжение» «комплектацией». Вся организационная структура, наличие различных подразделений, их взаимная увязка в работе, требовали изменений.

Эти и другие вопросы, вставали перед ним вечерами. Рождались мысли, идеи выливались в конкретные планы. Для воплощения этих планов, требовались люди – воодушевленные исполнением этих идей, соратники в борьбе, верящие в конечный успех. Днем круговорот событий затягивал, захватывал целиком, не оставляя ни секунды для размышлений.

И опять вечера, бессонные ночи.

Орлов вначале поселился в небольшой комнате для приезжающих, через некоторое время он переехал в квартиру бывшего до него начальника. Из мебели и вещей, почти ничего не привез. Кое-что собрал на месте.

Устройство гостиной состояло из четырех мягких кресел, стоящих у низкого стола, и пустого пока серванта. Обосновался Орлов во второй большой комнате, оборудованной под кабинет. Здесь был вместительный письменный стол с удобным креслом, шкаф и полки, набитые книгами, угловая раздвижная тахта. В углу лежали еще не распакованные охотничьи ружья разных калибров – страсть хозяина. Сюда же были заведены телефоны: прямой междугородний, местный и диспетчерской связи стройки.

В третьей комнате, предназначенной для спальни, Орлов не бывал, предпочитая свободное время проводить в кабинете. Вечером и ночью продолжали звонить, особенно было удобно с междугородними разговорами, легко проходящими в ночное время.

После продолжительных поисков шофер Коля нашел в соседней деревне пенсионерку бабу Фёклу, которая согласилась вести начальничье хозяйство – убирать, мало-помалу стирать, иногда что-либо приготовить на ужин. Коля ревностно следил за бытом начальника, когда был свободен, подбрасывал бабу Фёклу из деревни, подвозил из ОРСа кое-какие продукты.

Иногда, когда Орлов разрешал себе немного расслабиться, в памяти возникали образы той прожитой, не совсем уютной, но семейной радостной жизни. Тогда он моментально ощущал весь холод и неприязнь этих одиноких стен, и чтобы забыться хватался за телефонный аппарат и требовал немедленных докладов сводок, был особенно привередлив. Он бежал сам от себя, он не хотел думать о том, что все возможно еще изменить, что жизнь еще где-то на полпути, и впереди еще есть семейные радости.

В своем служебном кабинете он вел себя равно как с мужчинами, так и с женщинами, интересуясь только делами. Совершенно произвольно он заметил, что женщины, особенно молодые, как-то волнуются при встрече с ним, но посчитал это за робость перед начальством, присущую женщинам больше, чем мужчинам. Несколько позже обратил внимание на то, что женщины из управления стали лучше выглядеть, нарядней одеваться.

О холостом начальнике строительства ходили разные слухи, особенно этот вопрос, волновал «слабую половину» Нижнереченска. Одни говорили, что он бросил жену и детей; другие, что приехал ненадолго и поэтому семью не взял; третьи, что вообще старый холостяк, имеет много любовниц, но ведет себя настолько скрытно, что об этом никто ничего не знает. В общем, к исследованию этого вопроса подходили с неослабевающим интересом. Но исследование – исследованием, а на работу женщины шли в лучших костюмах, вставали теперь раньше, чем прежде, чтобы привести себя в порядок, и никто из них уже не позволял себе явиться непричесанной и растрепанной. В связи с этим в приемной у секретарши Люды, появилось большое зеркало, спрятанное в столе, которое всегда вынималось прежде, чем очередная сотрудница должна войти в кабинет к Орлову. При этом задавался вопрос: «Ну как?» Получив от Люды незначительные замечания, прихлопывая ладошкой прическу, сотрудница внимательно всматривалась в свое лицо в зеркале, и уже более уверенно шла на прием.

На протяжении дня, несколько раз заказывая разговор с Москвой, Орлов не смог соединиться с Петровым. То шла коллегия, то его вызывали в Совмин. Секретарша каждый раз обещала доложить и заказать встречный разговор, но ничего так и не состоялось. Переговорить было крайне необходимо: Шулихин – зам. Орлова, уже десятый день сидел в Москве. В его задачи входило срочно приблизить сроки поставок цемента. Вчера он позвонил и доложил, что все свои возможности исчерпал, решить вопрос не может. Орлов велел ему задержаться и должен был сегодня, после разговора с Петровым, позвонить ему в гостиницу с программой дальнейших действий.

Петрова удалось найти только дома поздним вечером. Договорившись о путях решения вопроса, они начали было прощаться, но в это время трубку попросила Лиза.

– Здравствуйте, Евгений! – Звонко раздался ее голос. Куда же Вы запропалились. Это не к лицу старым друзьям. А мы со Светой часто о Вас вспоминаем. Она мне много рассказывала о Вашем новом городе. Кстати, она хлопочет о том, чтобы перейти в ту мастерскую, где проектируется Нижнереченск.

Орлов начал оправдываться тем, что очень занят, что как-то собирался позвонить. Присил передавать от него привет.

Этой ночью, ворочаясь в своей холостяцкой постели, он не мог заснуть. Мысли о делах появились какими-то обрывками, просто не шли. Напрягая волю, он пытался все же что-то обдумать, но все это при малейшем расслаблении уходило, проваливалось куда-то. Зато другое чувство, давно уже не испытываемое им, вызывало тревогу, беспокойство.

«Неужели напоминание об этой женщине так взволновало» – спрашивал себя Орлов. Я давно уже не юноша, прожил длинную жизнь. Прежде он решил, что отдаст себя только работе, теперь вдруг ощутил потребность, тут, в своей квартире, с кем-то общаться. На него давила пустота и одиночество.

– Неужели так навсегда останется? – задал себе он вопрос. – Но почему, собственно, он обязан быть одиноким? Многие женятся повторно, и я могу, это совсем не трудно. Появись только желание. Почему-то определил для себя удел холостяка. Нет! Ты просто хитрил сам с собой, тебе хотелось позвонить, повидать ее. Другие дела вытеснили ее из воображения, и ты сам способствовал этому. Зачем запрещать себе думать о ней?

Так и не решив своих сомнений, он заснул только под утро. А завтра день навалился на него лавиной, и он вновь забыл о своей неустроенной личной жизни.

Глава 4. Генеральный план

Проект генерального плана Нижнереченска, над которым трудились архитекторы, нужно было в очень короткий срок завершить и представить на утверждение.

Начальником архитектурной мастерской проектного института был Олег Борисович Корнилов. Крупный породистый мужчина со спадающими на лоб прямыми черными волосами в массивных роговых очках, заметно выделялся среди сотрудников. Он ежедневно собирал в своем кабинете ведущих специалистов и подробно рассматривал итоги прошедшего дня. Корнилов был признанным авторитетом в архитектурных кругах. В институт он перешел недавно и за короткое время сумел собрать около себя способных исполнителей. Он не только

настраивал их выполнять ответственное задание, но и вызывал стремление работать творчески. Работа над генеральным планом находилась в той стадии, когда времени на воплощение нового, может и лучшего, не оставалось. Но, как будто на зло, у сотрудников возникали все время новые очень интересные предложения.

– Все, коллеги, на сегодня достаточно. Все свободны!

Корнилов достал из ящика письменного стола трубку, набил ее табаком.

– Светлана Архиповна! Я сказал, на сегодня все закончено. У вас есть вопросы?

– Да, Олег Борисович, у меня есть предложение.

Корнилов сморщился.

– Я понимаю, Олег Борисович, что все уже решено. И все-таки я прошу, выслушайте меня, – Светлана волновалась.

Ей впервые приходилось выступать со своим собственным предложением.

– Слушаю Вас, – Корнилов подошел к окну, открыл форточку.

– Не возражаете? Закурю?

– Да, да, пожалуйста.

Корнилов чиркнул зажигалкой, сделал несколько коротких затяжек, раскуривая трубку. Выпустил в форточку струю голубого дыма. Облокотился на подоконник.

– Олег Борисович, город посадили не на то место, – выпалила Светлана.

– Я... Мы с ребятами, считаем, пока не поздно его следует сдвинуть к реке.

– Что – о – о? – встрепенулся Корнилов.

– Вы представляете, о чем вы говорите?

– Да, Олег Борисович, но ведь город на берегу реки это...

– Прекратите! Знаете, лучшее враг «хорошего»? Я уж неоднократно говорил и повторяю. Вам еще раз:

– Я запрещаю выдвигать новые идеи, иначе мы вообще ничего не сделаем.

– В городе будут жить триста тысяч человек. Мы заранее лишаем их прелести речных просторов, воздуха! Я не понимаю – горячо начала Светлана.

– Специалисты считают, что пойма непригодна – оборвал Корнилов.

– Прошу вас, прекратить разговор на эту тему.

Светлана смутилась. Она не рассчитывала на такой отпор. Но идея была настолько заманчивой, что Светлана, отбросив страх перед авторитетом, попросила:

– Тогда разрешите нам оставаться после работы. Я, Игорь и Нина. Мы очень просим. Мы сделаем свой вариант.

Корнилов недовольно, как на непослушную ученицу посмотрел на Светлану и, чтобы отвязаться, сказал:

– Хорошо дерзайте.

Светлана уже несколько месяцев работала в третьей мастерской. Когда в институте объявили своеобразный конкурс на право вакансий у Корнилова, она предложила свою кандида-

туру и была принята. В тот момент, да и теперь она не могла определенно сказать, что толкнуло ее на такой шаг. Стать руководителем группы, вести самостоятельный участок она не помышляла. Корнилов взял ее просто рядовым исполнителем.

– Недурно! – говорил он, просматривая ее первые работы.

– Попробуйте выполнить вот это – и он усложнил задание. Она аккуратно выполнила.

– У вас неплохая школа! – похвалил Корнилов и поручил ей отдельные детали целого проекта. Светлана успешно справилась и с этим. Корнилов был доволен. Он любил продвигать способных архитекторов и вскоре дал задание Светлане вместе с двумя другими молодыми специалистами самостоятельно разработать часть проекта.

Светлану назначили руководителем небольшой группы.

Прежняя ее жизнь, в которой основное место занимали муж и дочь. Жизнь, в которой, ежедневно повторялось одно и то же:

– Утренние хлопоты по дому, сборы Наташи в школу, завтрак для Арнольда Григорьевича. Затем собственные сборы, поездка на автобусе и метро, бездумная работа, разговоры на лестничной клетке у места для курения. И наконец: магазины, ужин, вялый обмен новостями, телевизор, и постель, теперь закончилась.

Все изменилось. Она возвращалась домой полная впечатлений. И хотя по-прежнему приходилось везде поспевать, она делала все быстро и с подъемом. Неравенство ее положения в семье изменилось в ее пользу.

Теперь Светлана Архиповна сама делилась своими мыслями, планами, тревогами, хотя Арнольд Григорьевич продолжал относиться к ней свысока, как старший и более умный.

Светлана чувствовала это, и ей было обидно:

– Почему на работе мужчины ведут себя с ней как равные, а он нет?

Ей захотелось доказать, что она тоже на что-то способна и может догнать его.

Работа захватила Светлану Архиповну. Проектировать свой город – несбыточная прежде мечта, теперь становилась явью. Она не представляла себе, как это увлекательно. Пришлось научиться планировать рабочий день, беречь каждую минутку. Времени все равно не хватало.

Корнилов часто ходил по рабочим местам. Всмотривался, как продвигается работа, делал свои замечания.

– Город, – поучал Корнилов, – это не просто набор жилых и других сооружений, это – сложный социальный организм, это – будущий центр культуры, экономики целого географического района. Как важно, чтобы наши современники – рабочие, инженеры, учителя жили в хорошем городе, достойном своего поколения. Городов построено очень много, но есть среди них однообразные, плоские, унылые. Вы, всегда должны помнить об этом.

Наставления Корнилова не прошли даром.

– Светлана Архиповна, – как-то раз спросил Игорь, архитектор, работающий в ее группе, – Вы не знаете, почему город будет так далеко от реки? —

Светлана не знала: – Действительно, почему так далеко? А ведь можно рядом с рекой.

Эта идея взволновала. Они сделали первые прикидки. Получалось великолепно.

Тогда она обратилась с предложением к Корнилову.

Отказ Корнилова изменить проект не смутил Светлану. Напротив они допоздна просиживали в мастерской, и каждый с нетерпением ждал конца рабочего дня, чтобы пользуясь разрешением начальства быстрее приступить к разработке своего предложения.

В первый раз, когда они решили остаться, Светлана Архиповна позвонила мужу:

– Арнольд, у меня срочная работа, придется задержаться. Накорми Наташу и проверь, как она сделала уроки.

– А что случилось?

– Понимаешь, мы разрабатываем новый вариант, он лучше, чем тот, который принят. В общем, я потом расскажу, это сложно объяснить.

– Хорошо, – буркнул недовольно Арнольд Григорьевич.

На следующий день вновь пришлось задержаться. Игорь и Нина видели, что Светлана Архиповна часто звонит домой. Разговаривает с дочкой, мужем, беспокоится.

– Вы идите, Светлана Архиповна, а мы с Ниной поработаем до одиннадцати, – просил Игорь.

Она уходила, Бежала домой. Дома что-то объясняла. Арнольд Григорьевич с неприязнью выслушивал. Дулся.

– Я не понимаю, почему в вашем институте не соблюдают трудовое законодательство? Это безобразие! Я позвоню директору! – грозился он.

Игорь съездил в Нижнереченск. После возвращения, он восторженно рассказывал:

– Левый берег пологий, с множеством озер и речных проток. Он выступает большим полуостровом. С трех сторон река – широкое русло. Правый берег крутой. Он мощно нависает над рекой. Порос лесом и кустарником. Город надо размещать на левом берегу.

Светлана Архиповна и Нина согласились с Игорем. Работы прибавилось, вышли в выходной.

Светлана переживала, ей было неловко перед мужем.

– Своими действиями я создаю для него такие неудобства, – думала она.

Арнольд Григорьевич сердился, но терпел:

– Бросила бы вообще свою работу и занялась воспитанием дочери да домашними делами, – говорил он.

Как-то вечером Корнилов зашел в чертежный зал. Светлана склонилась над планшетом. Игорь в углу делал расчеты. Нина ушла в булочную. Корнилова не заметили.

– Так ведь это прелесть! Здорово получается. А я думал, что у вас детские забавы.

На большом планшете прорисовывался город. Величественная набережная с пристанью. Гидропарк. Искусственные водоемы, каналы, мосты, защитные дамбы.

От неожиданности Светлана Архиповна отпрянула в сторону и молча, наблюдала за Корниловым.

– Каков грунт? – спросил Корнилов.

– Придется намывать, – отозвался Игорь из своего угла.

– Все можно посадить на сваи!

– Сколько еще дней? – спросил Корнилов.

– Я думаю, что...

– Нет! Мне это решительно нравится. Завтра же на этот вариант бросаю всю мастерскую.

Олег Борисович увлекся новой идеей. Работы по прежнему варианту приостановились. В институте назревал скандал. Директор собрал совещание. Экономисты в один голос заявили:

– Строительство на этой площадке обойдется значительно дороже, фундаментчики утверждали.

– Сроки возведения фундаментов затянутся на несколько лет, – Корнилов сердился, шумел, доказывал, что они неправы.

– Мы предлагаем намывать большие площади, применять сваи, строить мосты, – кричал он, – а пахотные земли, они что, ничего не стоят? Конечно земля – народное достояние, она бесплатна, но поймите, по первому варианту мы уничтожаем сотни гектаров.

Он уже отвергал первый вариант, хотя сам был его автором. Спорили много, но доказать целесообразность нового решения Корнилов не смог. Комбинат был уже заложен, точка строительства города указана, сроки определены. Вариант отклонили.

– Вдруг, видите ли, они обнаружили, что хорошие архитектурные решения стоят денег и стоят дороже, чем плохие, – ворчал он, вернувшись с совета.

– Вы сделали замечательную работу, – обратился он к Светлане. Я убежден, что со временем, лет через десять, пятнадцать, а для города это – небольшой срок, ваш проект пробьет себе дорогу. Считайте его третьей очередью строительства! – Высоко оценив работу, как бы в награду, Олег Борисович поручил группе Светланы разрабатывать центр Нижнереченска.

Деловая обстановка, которую создал в мастерской Корнилов, способствовала быстрому продвижению проекта к завершению. Город на глазах вырисовывался, и каждый работник считал его своим, полюбил, как долгожданного ребенка.

Жилой массив запроектировали на расстоянии десяти километров от химических заводов. Сюда он приближался к лесу. Разбитый широкими улицами – бульварами на крупные микрорайоны город должен был быть очень удобным для будущих жителей. Намечалось создать скоростные транспортные магистрали с монорельсовыми дорогами, по которым возможно будет доехать из дома до работы не более чем за четверть часа.

Близость реки, большая зеленая полоса у берегов, позволяли разбить рядом базы для отдыха людей.

Работа не пропала даром. Светлана поверила в свои силы, приобрела признание. С увлечением принялась за новое дело.

То, что ей поручили разрабатывать центр – наиболее выразительную и ответственную часть города, до сих пор как-то не укладывалось в голове. Она – рядовой архитектор, которому максимум приходилось исполнять чужие идеи, теперь должна будет самостоятельно решать сложные задачи.

Центр, как его разместить? Здесь должны расположиться важнейшие административные и культурные учреждения, главные архитектурные ансамбли. Приходилось много читать, рыться в архиве, просматривать выполненные в прошлом проекты.

Сегодня, наконец, принималось окончательное решение по центру Нижнереченска.

Светлана Архиповна рано встала, поцеловала сладко спавшую дочь и, поручив все домашние заботы маме, впервые за несколько месяцев, тщательно занялась своим туалетом. Легкое волнение, которое появилось еще со вчерашнего дня, не унималось и отвлекало от основной мысли, как более убедительно защитить выполненный проект.

Спокойствие и уверенность пришли уже в метро, когда она вместе с потоком утренней свежей толпы влилась в него по эскалатору, и поезд стал размеренно отмечать стройные линии сверкающих мрамором нарядных знакомых станций.

Игорь был уже в мастерской.

– Светлана Архиповна! – невольно вскрикнул он, – какая Вы сегодня красивая.

– Здравствуйте, а я вот подгоняю, привожу все в порядок.

Последние дни он много работал, заканчивая макет центра. Она отступила в сторону, осмотрела расставленные макеты, затем подозвала Игоря и, обняв его, радостно спросила:

– Ну, как, нравится?

– Очень, Светлана Архиповна! – смущенно ответил он.

Начали сходитьсь сотрудники. Появился возбужденный Олег Борисович. Он еще с порога помахал рукой, а затем раскланялся, поцеловал руку у Светланы и лукаво подмигнул:

– Большому кораблю, большое плаванье. Желаю удачи! Ни пуха. Ни пера.

– К черту, к черту, Олег Борисович.

Наконец, пришел главный архитектор, собрались все члены совета.

Как только Светлана Архиповна начала свой доклад, волнение вновь вернулось к ней. Постепенно, по мере того, как она все более и более увлекалась, игра воображения уносила ее от этого нарисованного и составленного из кубиков игрушечного города, в город настоящий, большой, реальный и она успокоилась.

Ей казалось, что вместе с присутствующими здесь людьми, она идет по широким бульварам города и показывает им архитектурные ансамбли. Сооружения образовывали входную

площадь центра. Широкий бульвар выводил к комплексу с трехзальным кинотеатром и торговыми рядами. Завершался ансамбль вздыбленным куполом крытого рынка.

Двенадцатиэтажные дома – каскады, с противоположной стороны, создавали архитектурную композицию с административным зданием в центре.

Главный архитектор задал ряд вопросов, сделал незначительные замечания, затем одобрил проект и установил срок окончательного его завершения.

Светлана Архиповна пришла в себя уже после того, когда все члены совета ушли; радость наполнила ее; со всех сторон сыпались поздравления. Вернулся Олег Борисович.

– Друзья! – Громогласно заявил он. – Поздравляю с победой! Вечером заказываем столик в ресторане, Сегодня не грешно отметить это событие.

– Это я, – позвонила Светлана мужу, – можешь поздравить. Я так переживала. Ты сейчас очень занят? Нет? Тогда давай встретимся. Я все расскажу. Такая радость.

– Ладно, подъеду к Белорусскому, там, где стоянка такси. – Через пятнадцать минут они встретились.

– Родной – обняла мужа Светлана – у меня сегодня такое приподнятое настроение, мне хочется всем об этом говорить. Кричать! Хочешь, я отдам тебе кусочек своей радости? На, возьми.

Светлана поцеловала мужа.

– Где-нибудь пообедаем в приличном месте? – спросила Светлана, когда Арнольд Григорьевич выбрался со стоянки.

– «Националь», «Прага», «Центральный»?

– Лучше где-нибудь подальше.

– Хорошо, поедем на проспект Вернадского.

По пути Светлана Архиповна сбивчиво рассказывала:

– Я знала, что все сделано хорошо, но боялась, Вдруг раскритикуют. Представляешь, он задает вопрос, а я не могу слова сказать. Когда начала, язык, словно чурбачок во рту, еле поворачивался. Но Олег – прелесть. Улыбался, подбадривал.

Арнольд Григорьевич по ходу выдавливал редкие фразы:

– Весьма рад. Присоединяюсь к всеобщему ликованию.

Был мрачным. Вся эта восторженность жены ему была неприятна. Но, Светлана не замечала его сдержанности.

– Сегодня мы на работе отмечаем это событие, – продолжала Светлана.

– Ты вечером обязательно пойдешь. Я познакомлю тебя с нашими ребятами.

– Никуда я не пойду! – прорвало у Арнольда.

– Я, конечно, польщен, – продолжал он издевательски, – моя жена становится знаменитостью. Без нее не могут решать крупные проблемы градостроительства. Ей бесконечно звонят, ее ищут, без нее не могут обойтись. Она вечно занята и уже перестала встречаться с мужем! —

Он приподнялся за рулем, глаза яростно сверкнули под очками.

– И ей глубоко наплевать, что у него серьезная работа, что он тянет на своих плечах целую кафедру.

Его начало заносить. Он почувствовал, что жена пытается отнять его положенное ему по праву первенство в семье, принизить его роль и значение.

– Дочь где-то болтается у бабушки! Я так дальше не могу! Мы не в состоянии быть на равных, Светлана! Кто-то должен уступить. – Либо ты, либо я! —

И уже не в состоянии остановиться, он повысил голос до крика, и с чувством своего превосходства, продолжал:

– Я работаю над докторской, и сделать это должна ты! Мне нужна просто жена, а не выдающийся деятель! Мне нужен завтрак, ужин, домашний уют и жена в моем обществе, а не я в ее! Я занят и никуда не поеду! —

Светлана не ожидала подобного от мужа, кровь прилила к лицу.

– Останови машину! Немедленно останови! – выкрикнула она.

Слова мужа словно обварили ее. Стало душно. Она задыхалась.

Арнольд Григорьевич прижал машину к бровке.

– Ты... ты... как тебе не стыдно, – уже сквозь слезы промолвила Светлана Архиповна и, хлопнув дверью, побежала прочь.

Вернулась на работу на такси, и теперь, сидела на своем рабочем месте с таким чувством, будто только что получила пощечину и думала, думала:

– Что произошло? Почему? Когда она прозевала этот надвигающийся разрыв? Нет! Так невозможно. Они просто разные люди.

Слезы медленно текли по щекам.

– А, может сама, виновата? Тут же оправдывала мужа.

– Он очень занят, как-то говорил, что Тарасов вот-вот уйдет на пенсию, и по всей вероятности, кафедру передадут ему. Я невнимательна. Но, он-то... в такой день ..., чего наговорил.

Подошла Нина:

– Светлана Архиповна!? Что с Вами, Вы чем-то расстроены?

– Нет, нет Ниночка, это я от счастья, – схитрила Светлана.

Осадок неприятного разговора растворился лишь к вечеру.

Опираясь на руку Олега Борисовича, Светлана с улыбкой поднималась по мраморным ступеням ресторана.

Друзья сказали много хорошего, было приятно. Когда очередь дошла до нее, она сказала просто:

– Дорогие мои, спасибо Вам за все, за то, что мы вместе живем и работаем. Я люблю вас всех! Выпьем за нашу дружбу.

Затем играл оркестр. Разбились по парам, танцевали.

Виктор Иванович, Игорь, Саша-генплан, все приглашали. Она чувствовала, что мужчины прижимают ее к себе больше чем положено, но не сопротивлялась.

Во время одного из танцев Корнилов сказал, впервые называя ее по имени:

– Света, Вы самая прелестная женщина сегодняшнего вечера, я Вас больше не отпущу.

Спустились в бар. Сидели рядом у стойки, Тихо играла приятная музыка.

– Вы мне очень нравитесь Светлана. Скажите, Вы не испытываете потребность иметь рядом близкого по духу человека, скажем Вашего друга? Встретаться с ним. Я знаю, Вы замужем.

– Кого же Вы предлагаете мне в друзья, Олег Борисович? Не себя ли?

– А почему бы и нет, я не очень стар, но чем я хуже вот того, нет, скажем вот этого молодого человека? – И Корнилов указал на сидящую рядом пару.

– Вы не разочаруетесь во мне.

Светлана улыбнулась, взяла сигарету из лежащей на стойке пачки,

– Олег Борисович я очень уважаю Вас, вы большая умница. Хотите поволочиться за мной?! Разрешаю, но только на сегодняшний вечер. Я даже поцелую вас, – она затянулась, приподнялась и коснулась губами его щеки.

Она облокотилась о стойку и длинным пронизывающим взглядом посмотрела на Корнилова.

– У меня замечательный муж, я люблю его.

И ей показалось, что с Арнольдом действительно все хорошо, что она простила его.

– Прошу Вас Олег Борисович проводите меня и давайте расстанемся настоящими друзьями, —

Они вышли из бара.

Завершив дела на кафедре, Арнольд Григорьевич выбрал свободную минутку и поехал в Красногорск, в свою лабораторию. Времени оставалось в обрез, но, не смотря на это, он не мог лишиться себя удовольствия проехать лишние двадцать километров, выбрав круговой путь по кольцевой автомагистрали. Машина шла бесшумно и плавно, скрадывая неровности дороги, двигатель быстро набирал обороты.

– Вот оно истинное удовольствие, – думал он, – какое успокаивающее действие производит дорога.

Давняя мечта стать владельцем новой, цвета морской волны, Волги, наконец-то сбылась.

– Молодец Кудрявцев, хороший парень, – продолжал он свои мысли, – если бы ни его помощь, не купил бы.

Указатели, съезды, мосты и путепроводы, постовые автоинспекторы, все это было давно знакомо и все же, каждый раз, проезжая по этим местам, он по-прежнему испытывал удовольствие.

Все заботы, бесконечные хлопоты, тревоги и переживания, оставались там, а здесь была стремительно набегающая дорога и наслаждение скорости.

Если бы откровенно разобраться в способностях Арнольда Григорьевича, то можно было бы точно сказать, что водителем он был классным, и в этом ремесле был лучше, чем в науке.

Лаборатория, куда ехал Арнольд Григорьевич, была плодом содружества кафедры с заводом, где главным инженером был Кудрявцев муж Лизы, дочери Петрова. За короткое время в результате неиссякаемой энергии Арнольда Григорьевича, удалось оснастить ее всем необходимым: различными испытательными стендами, прессами, измерительной аппаратурой, небольшими лабораторными смесителями, термическими печами и многим другим оборудованием.

Несколько лет тому, когда на заводе Кудрявцева, осваивали новое изделие, лаборатория Тарасова, оказала им большую помощь. Тарасов считал честью для кафедры участвовать в решениях производственных задач. Арнольд был посредником между Кудрявцевым и Тарасовым и проводил все работы. Изделие внедрились, тему закончили, но взаимоотношения завода с институтом закрепились, стали постоянными.

– Связь науки с производством – дело большой государственной важности, – говорил Арнольд.

– Вы больше внедряйте, а мы все это затем научно обоснуем.

Когда на заводе отпала необходимость проводить исследовательские работы, Арнольд попросил Кудрявцева:

– Поддержи науку. Набрали штат сотрудников, не разгонишь ведь. Позже сочтемся, не останемся в долгу.

Приезжая на завод, Арнольд всегда начинал разговор о будущей диссертации главного инженера, возбуждая тем самым повышенный интерес Кости, который при этом загорался.

Кудрявцев всегда думал:

– Ну, все, с завтрашнего дня начну писать.

Но завтра производственные дела захватывали его, и он забывал о диссертации, вспоминая о ней только при очередном визите Довжецкого.

Арнольд иногда приглашал Кудрявцева в ресторан, либо на банкет очередного диссертанта. Костя делал ответы из квартальных премий.

Он поддержал Довжецкого, продлив прежний договор. Так существовала лаборатория.

Получить хорошую современную лабораторию Довжецкий стремился давно. Причин побуждавших его к этому было много. Главными были: проявить себя перед лицом институтского начальства, что было очень важно. В ближайшее время, ну максимум через год, полтора, будет объявлен «открытый» конкурс на замещение вакансии заведующего кафедрой вместо Тарасова, который уйдет на пенсию, и очевидно тогда его вклад будет достойно оценен; использовать сотрудников лаборатории для написания его диссертации, сбора материалов и проведения необходимых исследований; получить уже сегодня фактическую власть на кафедре, поскольку лаборатория становилась важнейшим звеном по всей работе, и наконец, некоторые материальные выгоды.

В точности выполняя пункты намеченного плана, Арнольд Григорьевич понимал:

– Время работает не на меня, надо торопиться. Тарасов давно поговаривает об уходе.

Он развернулся, выжимая из сотрудников лаборатории все, на что они были способны. Дело двигалось. В распоряжении был приличный штат. Все было бы хорошо, если бы имеющиеся в лаборатории техническому оснащению и штатам были бы еще и идеи, способные лечь в фундамент его диссертации, но их не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.